

Дмитрий Шуйский

Как завещал
Великий...

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Шуйский

Как завещал Великий...

<https://litres.ru/72766879>

SelfPub; 2025

Аннотация

В очередном романе Дмитрия Шуйского мы продолжаем следить за перипетиями судеб его героев. Автор погружает нас в водоворот удивительных событий, которые происходят вокруг двух конкурирующих корпораций, их руководителей и сотрудников.

Интриги, людские пороки, запретные связи, страшные преступления, семейные узы и козни врагов. Вся гамма человеческих чувств через толщу времени. Какие еще секреты и предсказания всплывут наружу? И при чем тут переселение душ? Следите за сюжетом!

Содержание

Предисловие	5
Шамсутдин Мургасян. Пути решения проблемы	8
Василий и Светлана: последние слова	39
Амрит: Воспоминания, часть первая	56
Арнольд. Подготовка к корпоративу	98
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Дмитрий Шуйский Как завещал Великий...

*Моя благодарность всем, кто вдохновлял и поддерживал:
внуку Лёвушке, сестре Ольге, Валентине Петровне Лаверо-
вой, сыну Вячеславу*

Предисловие

Этот роман – продолжение серии «Бессмертная душа». Первую книгу из этой серии под названием «Света, я вернулся!» я закончил в декабре 2019 года.

Роман рассказывал о Василии Свешникове, его недолгой жизни и гибели в результате автомобильной катастрофы на гонках в «Формулы-1» в Сочи: он был пилотом российской команды. Вероятнее всего, гибель Василия была подстроена его бывшим сокурсником и механиком «Формулы» Эдуардом Кузинским с подачи главы московского подразделения международной корпорации «Вера» – «Йога-Центра» – Амрита Сингха. Оба преследовали свои интересы: Кузинский получил в жены бывшую невесту Свешникова – красавицу Светлану, а Амрит – бессмертную душу Василия Свешникова, которая после смерти ее владельца пережила реинкарнацию, стала совершенной и вселилась в новорожденного младенца Петю Манохина.

Помимо этих персонажей в романе есть и другие действующие лица. Читателя повеселят приключения экстравагантного и непредсказуемого Арнольда Самуиловича Упертого. Без таких людей жизнь была бы скучна и блекла.

Шамсутдин Анварович Мургасян – основатель и бессменный руководитель Корпорации информационной безопасно-

сти «The Victory Herald». Он достиг всего собственным трудом, но нельзя сказать, что все доставалось Мургасяну легко. Его компания расширилась и даже открыла головной офис в Нью-Йорке. И все бы было бы хорошо, да нашла коса на камень: ему перешел дорогу Амрит Сингх. Клиенты корпорации переметнулись к конкуренту и возвращаться не собирались.

Но главное во всей истории – то, как Амрит Сингх долго и целенаправленно готовился к своей основной работе в Москве. Работа эта заключалась в поиске и работе с душами людей, живущими в телах наших современников. Полученная от них информация была эксклюзивной и непредсказуемой. Из какого именно времени прибыла душа? Из прошлого, будущего или из нашего времени? Одна из главных особенностей души, живущей в нас, в том, что она обладает особенностью помнить буквально все о своей прошлой жизни. Человек может что-то забыть, а душа – нет.

В новом романе «Как завещал Великий...» вас ждет развитие историй наших героев. Вроде бы ухвативший счастье за хвост Амрит Сингх не понял одного – конкуренты не спят и готовят козни корпорации «Вера» в Москве. Основные решительные действия на этом поле предпримет Президент корпорации информационной безопасности «The Victory Herald» Шамсутдин Мургасян.

Свою роковую роль в этой игре сыграет Арнольд Самуилович Упертый, глава строительной компании «ПоСтрой-

ка!». Конец книги описывает трагедию Амрита Сингха, допустившего роковую ошибку – Держи друзей рядом, а врагов – еще ближе!

В планах автора – третий том романа под рабочим названием «Постфактум». Следите за развитием сюжета!

Шамсутдин Мургасян.

Пути решения проблемы

В избе стояла тишина, и висел полумрак. Затянутое мутным бычьим пузырем небольшое подслеповатое оконце с трудом отображало ясный летний день, стоящий на дворе. Внутри пахло старыми березовыми вениками, давнишней затхлостью, керосином и кислой брагой. Убранство горницы было нехитрым: вдоль бревенчатых закопченных стен виднелись тесовые темного дерева кондовые скамьи, слева от входной двери стояла беленая русская печь, а в предназначенном для нее отверстии сиротливо торчала проржавевшая труба от самовара...

На потемневшем от времени и грязи полу стоял простой деревянный стол, а за ним перед кружкой с брагой одиноко сидел средних лет мужчина. Вернее, лет ему было эдак за пятьдесят. Давно не мытые длинные волосы сосульками свисали по бокам от пробора прямо посередине головы, единственным украшением для них служил тонкий кожаный ремешок с причудливым орнаментом. На его выдавшей виду темно-красной атласной рубашке красовались пятна грязи различной степени свежести, из повседневных штанов выглядывали крупные мосластые ступни, слегка покрытые редким рыжим волосом.

Выразительные темно-карие глаза во впалых глазницах выражали вселенскую грусть и смотрели в пустоту. Чувственный и изящный с горбинкой нос подчеркивали тонкие губы с неухоженными усами и редкой бородкой.

На столе стояла выдавшая виды потемневшая большая серебряная тарелка, и даже не тарелка, а блюдо с нехитрой снедью: нарезанный крупно тамбовский окорок, несколько нечищенных вареных картофелин, половинка репчатого лука, куски ржавой селедки пряного посола, с которыми соседствовали ее же шкурки и рыбы кости, наломанный подовый ржаной хлеб и несколько пучков петрушки и укропа. Аромата в атмосферу добавляла старая чадящая керосиновая лампа на столе. Света от нее было немного, а вот копоти – порядочно. Завершала картину деревянная солонка с забытым в ней вареным яйцом.

– Та-а-ак, – негромко выдохнул сей персонаж, поднял правой рукой тяжелую деревянную кружку, запрокинул назад голову и стал зычно пить из нее. На небритой шее двигался кадык.

Сосуд он опорожнил за пять глотков и громко поставил кружку на стол. Захрустела луковица, хорошенько сдобренная солью, ей компанию составил нечищенный кусок селедки: мужчине было уже все равно, как и чем закусывать.

Он отер рукавом усы и бороду от остатков бражки и хрипло прокашлялся в пустоту:

– Эй, есть там кто?!

Ответом была тишина, и это его не сильно озадачило. Далее в ход пошел деревянный молоточек, который ударил в небольшой гонг на столе слева от серебряного блюда. После третьего звука деревянная дверь визгливо, со скрипом отворилась, и в горницу осторожно вошел небольшой кургузый босой мужичонка в косоворотке, подпоясанный веревкой. Штаны ему были коротки и не закрывали лодыжки. Он был альбиносом: светло-серые глаза с белыми ресницами ярко выделялись на круглом простоватом лице.

Мужичок осторожно сделал три шага и остановился на почтительном расстоянии от стола, ибо хозяин был резок и непредсказуем: давеча кинул в него куриной косточкой.

Оба молчали: хозяин забыл, что хотел молвить, а мужичок ждал приказаний.

– Ладно, иди, – раздраженно пробормотал сидевший за столом, – потом позову.

Мужичок, было, повернулся и хотел выйти...

– Стой!

Мужичок сгорбился, вжал голову в плечи и осторожно, вполоборота, повернулся к столу – в него ничего не летело.

– Брага еще есть? – икнул хозяин, ковыряясь вилкой в зубах.

– Да.. да.. да, конечно, – зачастил мужичок.

– Дык неси, чо стоишь-то. Кру-у-угом! Бего-о-ом, марш! – зычно, по-командирски гаркнул хозяин. Вместо мужичка на полу остался лишь его мокрый след.

Дверь еще не закрылась, а там уже засуетились голоса:

– Глашка, блядь! Где брага? Неси, сука, сюда! Хозяин велел... Как нет...!? Убью, скотина, – слышался женский визг, – поищи под лавкой в прихожей, там есть...

В окружающей обстановке ничего особенно не изменилось, за исключением того, что отрешенный ранее взгляд хозяина попытался стать осмысленным, и это почти ему удалось... Однако, реальность была зыбкой и утекала от восприятия как песок между пальцев. Он тряс головой, но это не помогало.

Мужчина еще раз предпринял попытку осознать себя и понять, где он и что с ним происходит. Ведь он не должен был быть в этом месте, да и брагу он не любит, но почему-то пьет...

«Что произошло? Где это я?».

Он хватался за островки воспоминаний, но это была не земля, а плавающие сгустки торфа с растущими на них чахлыми деревцами и кустарником. Вот мимо промелькнул черный лимузин, дверь автомобиля открывал ... элегантный козел во фраке... В кафе заказ принимала русалка, от которой сильно пахло просроченной селедкой... Он даже потрогал ее склизкую чешую и... нарвался на осуждающий взгляд от водяного с соседнего столика... Густо пахнувшая березовым листом, жаром и звонким девичьим смехом парная отпечаталась веником на его ягодицах, и он закрыл глаза, нежась в аромате русского ядреного кваса с раскаленной каменки...

«Вниманию пассажиров рейса 230БЭ, – продекламировал женский автоматический голос, – ваш рейс задерживается по погодным условиям...». «Вот же гады! – пробормотал дребезжащий старческий голос рядом с ним. – Трофим Семенович, вы – то как здесь оказались, в аэропорту JFK? Это же Нью-Йорк, Штаты...».

«А ты, мужик, не отвлекайся от своих грез, – проскрипел сосед по этажу, – что хочу, то и делаю...».

«Эй, Трофим, стой, не уходи... Я себя не помню, скажи мне хоть, как меня зовут».

Взгляд его расплавленных глаз он не выдержал, прикрыл веки.... Прошелестел шепот: «Шамс»... «Солнце» – на арамейском так звучит. «Солнце... Я и солнце... Не понял...».

Его грезы прервал шум.

За дверью послышалась возня и легкий девичий вскрик. Мужчина отвлекся от своих сумбурных размышлений. Послышался скрип несмазанных петель, и в горницу, наклонясь под низким косяком, всплыла мощная, крепко сбитая, розовощекая и пышногрудая девица с озорным взглядом. Была она босой и в русском сарафане, декольте ее было бездонным, и падать туда можно было вечно.

Прямо перед собой она держала початую бутылку с прозрачной жидкостью, заткнутую обломком кукурузного початка, а к шикарной груди прижимала банку с огурцами.

Шлепая изящными ступнями по полу, она медленно, тысячетонным сухогрузом приближалась к столу – как к при-

чалу.

Мужик за столом заворожено наблюдал за этим действием, его челюсть отвисла, руки уперлись в стол, приподняв уставшее от возлияний тело. Взгляд утонул в той ложбинке, мимо которой ну просто не может просто так пройти любая особь мужеского полу, и дева заметила это. Она наклонилась к столу, поставила гостинцы на стол, а потом и сама легла животом на столешницу, взяла голову хозяина и утопила ее в своем таинственном убежище. Она завладела им: когда играют гормоны – голова не думает.

Он глубоко вдохнул терпкий запах разгоряченного женского тела – немытого, по меньшей мере, дней пять – и внешне протрезвел. А может быть и нет, но вернулся уровнем выше, как это бывает в компьютерной игре, и отмотал пленку назад.

Такому обстоятельству он удивился, потому как думал, что существующий для него мир изменить по его воле невозможно. Ему вдруг вспомнился анекдот, рассказанный ему... «помощником»? Кем...? Каким еще помощником? ... Но он был еще слаб, и статус этого человека остался для него неуловимым. И вот голос мужчины, подобострастно дрожа (почему подобострастно, не понимаю), начал вещать:

– Утром на работу пришли два мужика. Один из них рассказывает: «Мне сон такой идиотский приснился, что я бегаю по городу неизвестному, бегаю... и никак не могу остановиться, всю ночь пробегал. Утром проснулся – все болит,

как будто мешки таскал». Другой мужик говорит: «А мне приснилось, будто я кувыркаюсь с классными молодыми тетками, и здорово мне так, приятно...». «А чего ж ты меня не позвал?» – спрашивает первый.

«Да я тебя звал, звал, да бесполезно – ты, дурень, все бега, круги нарезал и ничего не слышал».

Грустно стало мужику и не смешно. Но сюр продолжался, и в этой реальности в дверь заходил пастух Яромир, одетый в холщовые штаны, косоворотку и лапти. Свернутый плетеный кнут из телячьей кожи был заткнут за кушак.

Вместе с ним в горницу ворвался свежий деревенский воздух, неся аромат навоза, дыма и стойкого мужского пота.

– Хозяин, – молвил пастух с каким-то иностранным акцентом, неуловимым и непонятным. А может быть, не акцентом. Может, говор был у него такой странный.

– Ты это.... не лезь к Амриту. Плохо тебе будет, плохо...

Последние слова пастух проговорил как-то вяло и равнодушно, как будто был ретранслятором чужой воли.

И на этом месте Шамсутдин Мургасян, Президент Корпорации информационной безопасности «The Victory Herald», проснулся и открыл глаза. Из-за плотных штор в спальню пробивался рассвет. Зеленые цифры на настенных электронных часах показывали 04:47. Он закинул руки за голову:

«Странный был сон, очень странный. Обычно я сны не запоминаю, как-то не получалось это у меня, какие-то обрывки видений оставались, но объединить их в единое целое у меня

никогда не получалось, а тут... Прямо как будто фильм со своим участием посмотрел, только внутри сна не понимал, что главный герой – это я. И как ни странно, мне запомнился почти весь сон: и изба, и брага, которой, кстати, я ни разу в жизни не пробовал, и ужасающий интерьер внутри, что вообще не соответствовало представлениям о порядке в жилом помещении, и тщетные попытки осознать себя, то есть идентифицировать свою личность».

Но самое настораживающее заключалось в последних словах пастушка. Почему именно пастушка направили передать ему это предостережение?

А, собственно говоря, это мог сделать кто угодно, образ не имел никакого значения.

«А вот последний почти прямой намёк на Амрита я запомнил: «Не лезь к Амриту. Плохо тебе будет, плохо...».

Шамсутдин почесал кончик носа.

«Когда-то, в начале девяностых, я увлекался книгами Карлоса Кастанеды и там вычитал об искусстве управляемого сна. Я понимаю, что в своем сне я ничем не управлял, да и не знаю, как это делается, но вот то, что со стороны мой сон контролировали и вели, – могу догадываться. Иначе как сделать во сне целенаправленное предупреждение тому, кто видит это сновидение, да и еще заставить человека запомнить его? Это дело рук мастера, и я даже подозреваю, какого».

«Хотя... Это, может быть, и неплохо – знать о внимании к тебе твоего соперника... или нет – противника, если не

врага, – продолжил мысль Шамсутдин. – Несомненно, здесь есть несколько способов решить задачу, но пока ни одного положительного решения для себя я не вижу. Науськать на него ребят из спецслужб?... Да вряд ли, это не их поле работы: подумаешь, йог какой-то перешел тебе дорогу! Нет, не получится. Бандиты?... Нет. Сразу исключается – слишком топорно действуют ребята, да и покровители, по-видимому, у Амрита серьезные, и здесь могут быть последствия, скажем так, нехорошие. Ну не взять его, ни на чем не взять... Ведет достопочтенный образ жизни, молодая жена, дочь-малютка, ни в чем не замешан... Тупик какой-то получается...

А вот если пойти с ним на беседу, а? Как говорится, приоткрыть забрало и прощупать почву? Просто не вижу другого способа с ним посотрудничать. Надо будет с Советником переговорить».

Шамсутдин вылез из-под теплого одеяла и пошел в туалет, не переставая думать о решении проблемы даже в тот момент, когда струя желтоватой жидкости звонко полетела в унитаз.

Машинально смыв воду, он ополоснул руки, вытер их полотенечком и босиком прошлепал на кухню. Часы на стене показывали 5.20 утра, но ото сна уже остались только воспоминания и напоминания.

Воскресное утро уже началось, но радости не принесло. Нерешенная проблема висела камнем на душе, свербела в мозгу и спать полноценно не давала. Август закончился, ле-

то прошло, как будто его и не было, да и нормального отдыха Шамсутдин Анварович себе не позволял, давно уже не позволял.

Кофе-машина, попыхивая парами, налила в кружку любимый им «Американо», обеденный стол на кухне был обширен и пуст. Кружка с ароматным напитком, источающим аромат кофе, перекочевала на блюдечко, а затем в торец стола, где на стуле и устроился хозяин в трусах и майке. Стояла полная тишина, только что прекратил работу компрессор холодильника, хотя внутри него что-то еще неторопливо булькало и переливалось. Герметичные окна не пропускали шум с улицы, солнце уже осветило город, но его лучи до квартиры еще не добрались. В безоблачные дни ранней осенью, что уже стояла на дворе, это случалось часов в семь-восемь утра.

Потихоньку прихлебывая и смакуя напиток, Шамсутдин задумался над своим сновидением. То, что в его конце ему практически открыто поступило предостережение, было ясно. Но весь антураж деревенского быта с его местечковым колоритом – вот это что было? Что? Намек на отдых? Возможно, и так. И вдруг, осознав проблему своей усталости, и – как следствие – время от времени проявлявшейся нервозности и срывов в общении с подчиненными и близкими Глава корпорации принял решение съездить куда-нибудь на парочку недель, развеяться, отдохнуть... «А деревня... Интересный намек, – про себя ухмыльнулся Шамсутдин, – ин-

тересный. И этот йог совсем непрост, витиеват и ажурен. Влюбить его нельзя, рога могут обломать. Да уж».

Он огляделся вокруг и нажал кнопку «вкл.» на телевизионном пульте.

Через секунду на экране появился экономический обозреватель телеканала РПК, он стоял в студии и на трех экранах сзади комментировал рост американской валюты на фоне снижения котировок нефти на бирже в Лондоне. И только сейчас, спустя несколько лет знакомства с этим вообще-то неплохим каналом, Шамсутдин вдруг задумался над аббревиатурой в правом верхнем углу экрана – «РПК». Он расшифровал ее для себя как «Ручной пулемет системы Калашникова» и усмехнулся совпадению. Ведь работу некоторых телеканалов воистину можно сравнить с информационным оружием, поэтому некоторые из них вполне могут использовать аббревиатуры типа «АК», «РПГ» или «ПМ».

Хотя... развлекательное телевидение он не смотрел. Он интересовался только Bloomberg Television или BBC-2, и вот этим российским РПК, да и то только ради информации по котировкам акций и из-за финансовых новостей. А вот музыку он любил, особенно CoolJazz: она придавала настрой на продуктивную работу, способствовала мыслительным процессам, которые были не чужды нашему герою.

И еще одна мысль витала у него в мозгу и не давала покоя: слишком уж хреновая ситуация сложилась для его компании, но совсем не повлияла на положение конкурента, то

бишь «Йога-Центра» во главе с известным ему индийцем Амритом Сингхом. Ну да, ну да, умники с горящим взглядом могут, глубокомысленно закатив глаза, туманно сообщить, что мол, если из одного места убыло, то в другом месте прибыло, и этот факт неоспорим.

А что, если в одном убыло, а в другом ничего не изменилось? То куда делась потеря? Ась, умники вы наши? Ась? Не слышу... И сказать-то вам нечего, нечего. Много мозгов не надо иметь, чтобы долдонить умные цитаты, не понимая самой сути произошедшего.

А вот насчет убыли, а именно утечки.... Утечки? Утечки информации из компании! И именно из моей! Вот оно, недостающее звено в цепочке размышлений, это то, что надо узнать и начать копать в этом направлении.

Шамсутдин задумчиво встал из-за стола, и, не допив кофе, совсем не обращая внимания на то, что до сих пор ходит по квартире неодетым, медленно пошел в свой кабинет к компьютеру, включил его и стал меланхолично ждать его загрузки. Программа попросила его приложить палец к сенсору.

Ранее, при настройке входа в систему, Шамсутдин долго прикидывал и думал – какой же, все-таки, палец правой руки сделать основным? В конечном итоге для ключа он зарегистрировал безымянный палец, чему был безмерно рад, потому как считал, что надежно обезопасил свои данные от взлома, потому как статистика свидетельствовала – большинство

людей используют в этих целях большой палец правой руки, либо указательный.

И сейчас, находясь в растрепанных чувствах, он, не обратив внимания на эту тонкость, прижал к сенсору большой палец, точно также как он делал это на работе. Динамики издали звук тревоги и на экране дисплея он прочел надпись:

«У вас осталось еще две попытки».

Очнувшись от раздумий, Шамсутдин хмыкнул, прижал к сенсору нужный палец и, наконец, вошел в компьютер.

Компьютерный столик стоял справа от окна, а слева, с другой стороны, о себе сиротливо напоминала беговая дорожка, около нее лежал коврик для занятий, а также две разборных гантели по 16 килограмм каждая. Повернув голову, Шамсутдин мысленно осудил себя за то, что матушка-лень победила в нем стремление к физическому самосовершенствованию, но тут же оправдал себя загруженностью по работе и продолжил поиск папки с докладами службы безопасности корпорации за август.

Холодок от приоткрытого окна неуютно обдувал голые ступни на покрытом лаком дубовом паркете. Он крикнул, пробормотав вполголоса:

– Всё-таки, надо пойти одеть чего-нибудь...

Натянув на себя махровый халат, Шамсутдин надел тапочки и вернулся на рабочее место.

Минут двадцать он изучал отчеты различных служб корпорации и понял, что причину надо искать у себя в корпора-

ции, внутри. В подтверждение его догадок в памяти тут же всплыла прошлогодняя встреча в Нью-Йорке с однокурсником.

* * *

Именно тогда, где-то в середине сентября, к нему в Нью-Йорк приезжал один его закадычный друг, однокурсник Серега Самсонов. Потрясный парень – очень открытый, контактный, «наше солнышко», как называли его друзья. В институте ростом он был выше всех однокурсников, и его вихрастая, с соломенного цвета волосами голова, сразу же выделяла его среди студентов.

Зеленые глаза в обрамлении шикарных пушистых ресниц, россыпь мелких веснушек на щеках вокруг тонкого чувственного носа с горбинкой, выющиеся светло-русые вихры сводили с ума всех девушек курса. Они даже подруг приводили посмотреть на такого красавца. Но по какой-то непонятной причине Серега игнорировал это внимание, не замечал факультетских красавиц, прямо-таки выпрыгивающих из штанов (или юбок?), чтобы привлечь его внимание. Они делали немыслимые прически, носили платья с оборками вызывающих расцветок, выставляли напоказ свои стройные, обтянутые черными со стрелками колготками ножки. Но все было тщетно – реакции от объекта обожания они не получали, но других пчел на этот мед привлекли. Индифферентное и странное поведение Сереги сильно обижало слабую поло-

вину факультета. И вся их нерастраченная любовь перешла на его друзей и приятелей, которые были тому еще как рады.

И вдобавок ко всему, знания ему давались очень легко. Все схватывая на лету, он удивлял окружающих.

— Умница! — обыкновенно говорили о нем преподаватели иностранных языков, — сразу все понимает и запоминает, просто молодец!

А языки в МГИМО изучали не только европейские типа английского, французского, испанского и итальянского, но и такие экзотические, как амхарский, японский, суахили, пушту-дари, не говоря уже об арабском, китайском или фарси.

Преподаватель амхарского языка Яна Вадимовна Кириченко, молодая симпатичная брюнетка лет двадцати семи, подпала под очарование Сергея не только потому, что он был смазливый и обаятельным (хотя и это сыграло свою роль), но и из-за того, что он слету схватывал новые слова, а предложения на этом африканском языке строил очень правильно, блистая произношением. Во время урока амхарского в аудитории стояла дружеская атмосфера. Яна Вадимовна не отрывала глаз от студента, улыбка не сходила с ее милого лица, она упивалась моментами общения с ним, хотя злые языки поговаривали, что происходило это и вне стен института. Но на то они и злые, чтобы иногда выдавать желаемое за действительное. Однако вся прелесть момента заключалась в том, что Яна Вадимовна была замужем, хотя мужа видела нечасто: он был геологом и пропадал в командировках ме-

сяцами. И сейчас, как мы уже видим, совершенно зря, ибо в русском фольклоре есть пословица: Муж по дрова, а жена – была такова».

Но Шамсутдин, как близкий ему товарищ и однокурсник, догадывался об их истинных отношениях. А, если сказать более точно, все знал, но хранил это в тайне.

В прошлом году осень в Нью-Йорке стояла теплая, сухая и безветренная. Вечер пятницы в небольшом городке Монклер – можно сказать, в пригороде мегаполиса – выдался спокойным и тихим. Да и как этому городку таким не быть – ведь здесь, после бешеной суеты Большого Яблока в конце рабочей недели находили отдохновение белые и синие воротнички, успешные предприниматели и деятели современной американской культуры. Эта тихая гавань для измученных душ находилась всего-навсего в двадцати милях езды от Нью-Йорка.

По одной из улиц города, затененной старыми дубами и платанами, бесшумно ехал белый Cadillac с характерным шильдиком на никелированной решетке радиатора. Бронированные темные стекла лимузина не давали возможности рассмотреть его пассажиров, да и кому это было надо.... Никому. Улица была пустынна, пятничное марево полностью заполняло пространство, оно было настолько ощутимым, что физически напоминало прогулку в бассейне, наполненным горячей водой. Каждый шаг в мареве доставался с невероятным трудом.

Лимузин с именовым номером *New-York* SHAMS остановился около небольшого особнячка из красного кирпича и въехал в открывшийся перед ним подземный гараж.

Вместо личного водителя, смешливого и улыбчивого, но профессионала Джоржио Престо, автомобиль вел Шамсутдин Мургасян, а на пассажирском кресле справа сидел его однокурсник Серега Самсонов. После уличной загазованной нью-йоркской жары кондиционированный воздух в автомобиле или в офисе был просто спасением, а не какой-то роскошью, без этого в многомиллионном мегаполисе не было не только экономической, но и нормальной жизни. И когда они сели в автомобиль, улыбнулись друг другу, мир заиграл другими красками: Шамсутдин почувствовал обаяние, искреннее тепло, исходившее от гостя, а Сергей ощутил свою нужность бывшему однокурснику, а ныне предпринимателю отнюдь не средней руки. Это чувство не выражалось ничем, кроме подсознательных ощущений взаимного обмена энергиями, здесь не нужны были слова, здесь действовало нечто иное, нематериальное.

Кондиционер с мягким шумом обдувал разгоряченные лица двух молчащих мужчин, в чистом воздухе не ощущалось ничего постороннего, кроме легкого, ненавязчивого духмяного аромата только что скошенного сена, запаха свежести ранней утренней росы на сочной траве заливного луга. И больше ничего. Совсем ничего. Но большего было и не надо.

Шамсутдин вел автомобиль молча, массивная машина с

мощным, низко урчащим двигателем, плавно плыла в потоке транспорта, столь насыщенном и напряженном на улицах города в пятницу вечером. Из квадросистемы лилась, и даже не лилась, а просто проникала в мозг приятная расслабляющая музыка. Водитель, если честно признаться, был гедонистом и использовал любой момент жизни для наслаждения ее изысканными дарами. И да, он знал об этом своем качестве. Почему? Да еще в детстве мама ласково выговаривала сыну за излишние «улучшательства», как она их называла: если он сидел на деревянном стуле или скамейке, то обязательно на заранее подложенной подушечке, если он ел свое блюдо (даже не ел – вкушал), по ироническому замечанию мамы, то делал он это долго, вдумчиво почмокивая губами, облизывая их языком. Даже книги он читал «вкусные», нет, конечно, не те, что озаглавлены «О вкусной и здоровой пище», а другие, философские, с массой глубоких и интересных размышлений. Вот и сейчас Шамсутдин впитывал этот прекрасный момент своей жизни, смаковал его, украдкой смотрел на пассажира и понимал, что тот находится в нирване, как специально созданной именно для них двоих.

Лет десять-пятнадцать назад в такой же ситуации Шамсутдин ну просто обязательно бы с гордостью похвастался лимузином, подробно рассказал бы о его выдающихся характеристиках, умолчал о недостатках и выпукло выпятил достоинства. Но то была прямо-таки щенячья радость от первых действительно больших заработанных денег. Сейчас

она прошла, на дно резервуара под названием «жизненный опыт» выпал осадок осмотрительности и расчета. Он уже понял, на что был способен, и лишние подтверждения успеха были уже не нужны. Это было пятым колесом в его борьбе за нормальную жизнь. За ту жизнь, которую он считал нормальной. Ведь у каждого человека свои представления о нормальности: для кого-то и ежедневная тарелка супа – награда, а кому-то и двухэтажный особняк в Майами тесноват.

С момента начала движения от здания Корпорации информационной безопасности «The Victory Herald» и до прибытия к месту назначения Сергей оторопело водил взглядом по салону автомобиля, не понимая предназначения множества приборов, кнопочек и тумблеров на панели, которые отблескивали хромом и разноцветными огоньками. И когда Cadillac прекратил свое движение, он ошеломленно чуть слышно спросил:

– Шамс, мы что, приехали уже? А то мне так показалось, что мы не ехали, а прямо-таки плыли, или даже летели – так плавно это происходило...

Шамсутдин наморщил брови, устало повернулся к товарищу по институту и дал волю чувствам:

– Знаешь, Сергей, на такие эпитеты, как ты только что выдал, я обычно не реагирую. И не пойми меня превратно, что, мол, «зажрался тут Шамс, акула империализма, хрен за мясо не считает». Для моей ежесуточной, еженедельной, ежемесячной, круглогодичной пахоты нет времени для сантимен-

тов, эта машина – просто элементарное удобство для меня, я бы сказал, отдохновение от рутины проблем, от гор головоломок, от эверестов решаемых задач и от полчищ «добропорядочных» джентльменов, желающих кинуть тебя при первом же удобном случае. Это тем, кто не вникает в суть вещей, да попросту и не желает этого делать ввиду своей природной или благоприобретенной лени, кажется, что «буржуи» и «эксплуататоры» трудового народа жируют и бесятся от пресыщенности... Пусть считают так, это их право.

Сергей понурился и поджал губы: не ожидал он такого вот панегирика, похожего на отповедь.

– Да что ты, Шамс, завелся? Я же по-доброму сказал, искренне А ты, – голос его задрожал, – сначала накатиł мне с левой, потом с правой и завершил хуком снизу.

Шамсутдин опал с лица, обмяк, осознав, что перегнул палку и повернулся к Сергею:

– Сереж.... Сереж..., да прости ты меня, дурака, я не по злобе, нервы стали ни к черту в последнее время, – голос дрожал, было видно, как он переживает. – Сейчас шашлычки сделаем, водочки выпьем, потрындим о своем.... Расслабимся, а? Ей-богу, не подумал я, что тут наговорил сгоряча...

– Да ладно, Шамс, – помолчав, повернулся Сергей к другу и улыбнулся своей светлой улыбкой, – проехали. Забудем. А ведь ты такой же, как в юности – огонь!

Гость качнулся влево на своем пассажирском сидении и

толкнул плечом водителя.

– Хватит тут нюни разводить. Где у тебя там мясо? Пошли, шашлык будем готовить.

Шамсутдин нажал одну из кнопок на панели автомобиля, и Сергей с удивлением заметил медленно открывающиеся двери со стороны водителя и пассажира:

– Серега, и ты тоже хорош, ты это, сам-то не сиди долго на попе – геморрой зарабатываешь, – коротко хохотнул хозяин, – пошли в дом, вытаскивай сумки и пакеты из багажника. Женщин у нас тут нет, помогать некому, но мы сами с усами – справимся.

Сергей стал выбираться со своего пассажирского сидения, и первое, на что он обратил внимание в обширном гараже Шамсутдина, рассчитанном на два автомобиля, так это на стоящий справа за колонной блестящий никелем и хромом Харлей-Дэвидсон. На его руле слева висела каска, а справа отсвечивали винтажные защитные очки. Мощь и стиль мотоцикла просто «вытащила» Сергея из машины и заставила, медленно оглядывая это чудо, обойти его, цокая языком.

– Классная вещь, – пробормотал он ошеломленно, постукал указательным пальцем по заднему крылу и направился к багажнику лимузина. Хозяин с улыбкой наблюдал за ним.

– Здесь, в левом углу есть лифт на первый этаж, тащи сумки сюда, незачем потеть на лестнице, если есть механическая помощь.

Мужчины зашли на открытую платформу лифта, и Шам-

сутдин, заметив струящийся по лицу Сергея пот, сообщил тому, дыша мятой:

– Там во дворе есть бассейн, сейчас самое время побулыться, да и холодное пиво на террасе в холодильничке тебя уже ждет. Запасные плавки у меня есть, хотя можешь и голышом поплавать – все равно из-за забора никому ничего не видно, а впрочем – как пожелаешь. Давай, тащи сумки на кухню (это налево от лифта) и выходи во дворик, купнемся.

Внутренний, покрытый кремового цвета плиткой, дворик не был большим, традиционный бассейн размером двадцать на тридцать метров поблескивал голубым цветом, прямо посередине плавал темно-синий надувной матрас. Забор был красного кирпича, метра три высотой, по его верху была натянута колючая проволока, а по углам торчали камеры видеонаблюдения.

С одной стороны к бассейну примыкала крытая терраса с плетеными из ротанга креслами и несколькими столами, здесь же был виден основательный, из кованой стали мангал, с колотыми дровами внизу и коробом для углей вверху. На приставном столике лежали шампуры, две решетки для мяса, опало и несколько пластиковых бутылочек с неизвестной жидкостью. Видно было, что этот интерьер использовался крайне редко и был покрыт пылью прошедших лет.

С другой стороны искусственного водоема, между двумя рядами пальм, стоял летний шатер яркой бело-красной расцветки с белым пластиковым столом, пятью или шестью

стандартными штампованными креслами, поставленными друг на друга. Дополняли картину несколько таких же стандартных лежаков вдоль другого бортика бассейна.

Сергей прошел в отведенную ему комнату, быстро сбросил пропотевшую одежду, бросил ее в душевую комнату рядом, натянул плавки и прошлепал во внутренний дворик, к бассейну. Вечернее солнце мягко согревало, но уже не жгло, тени от пальм причудливо отражались на спокойной, почти идеальной глади бассейна. С чувством восторга и радости от настоящего момента он с небольшого разбега бултыхнулся в воду.

– Уф-ф-ф, – с брызгами вынырнул наш пловец, от переизбытка ощущений громко шлепая ногами по воде. – Ша-а-амс....! Шаа-а-амс, иди скорее сюда, – пробулькал Сергей, держась за матрас, – здесь так классно!

Не дождавшись ответа, он проплыл бассейн два раза от бортика к бортику, поднялся по блестящей нержавеющей лестнице, и встал рядом с ней: мокрое, в капельках воды лицо отражало высшую степень блаженства. Обернувшись полотенцем, Сергей, оставляя мокрые следы, прошел внутрь коттеджа на кухню, где с нескрываемым удовольствием принял из рук Шамсутдина запотевшую баночку с пивом, с шипением выдернул колечко и жадно, крупными глотками стал его пить.

Хозяин босиком, в одних шортах и фартуке, улыбаясь и поглядывая на Сергея, нанизывал замаринованное мясо на

шампуры и складывал их на рядом стоящий поднос.

– Купнулся? Вот и молодец! Иди, там в твоей комнате лежит свежее белье: трусы, майка, шорты и футболка. Ежели что будет велико или мало, не суди строго, я заказал белье для тебя чисто визуально, думаю, что подойдет. Потом возвращайся на кухню, будем стол сервировать.

Спустя минут пятнадцать Шамсутдин вместе с Сергеем уже сидели на веранде своего домика в пригороде Города-Яблока. Солнце клонилось к закату, его лучи опустились ниже раскидистых верхушек пальм, и тёмно-красный свет светила бликовал на лазурной воде бассейна, отражался в окнах домика, играл в стекле фужеров, рюмок и бокалов. В стаканах с толстым дном перед мужчинами в бурбоне медленно таял лед. Ленивый ветерок временами приносил аромат шашлыка от стоящего рядом мангала. Шамсутдин Анварович жестко придерживался традиций своей Родины.

Никаких долбанных барбекю или колбасок на открытом огне, только шашлык из молодого барашка, замаринованный традиционным образом в минералке (или в красном сухом вине) с добавлением, нарезанного репчатого лука, специй и аккуратно приготовленный на углях. Причем, делал это яство лично, и Сергей с удовольствием наблюдал за одухотворенным лицом творца, за его шаманской суетой с помахиванием опахалом, брызганьем жидкости из какой-то бутылочки на мясо. Подрумянившейся на шампурах шашлык шкворчал, брызгал соком, смесь дыма с ароматом пара этой

амброзии вызывала неконтролируемое выделение слюны.

– Шамс, послушай, я уже не могу больше терпеть это издевательство! Когда же, наконец, мы будем вкушать это чудо?

– Жди, Серега, жди. Шашлык не терпит суеты, равно как и открытого огня. Ты же не хочешь скрипеть угольками на зубах? Во-о-от, не хочешь, а посему терпи. И не сиди ты сиднем-то. Тащи из морозилки нашу родную «Столичную», забыл, что ли? Давай, давай, бегом!

– Есть, мой, командир, я уже в полете, – Сергей засмеялся, неторопливо поднялся и пошел внутрь домика. Минуты через две он вернулся, держа за горлышко тут же покрывшуюся тонкой корочкой изморози бутылку водки. – Холодненькая, как раз самое то, что надо!

Он поставил емкость на стол.

Шамсутдин тоже не терял времени зря. В тарелки на столе он уже аккуратно снимал мясо с шампуров, посыпал их сдобренным уксусом репчатым луком, нарезанными петрушкой, укропом и кинзой. При этом мастер усиленно помогал себе губами, то втягивая их, то выпячивая, облизывая их языком от старания.

Стол также украшала экзотика: на широком керамическом коричневом блюде лежали стрелки зеленого лучка и пряной черемши, пучки петрушки, укропа, кинзы, пара стручков свежего перца чили, две розочки с соусами – ткемалевым и перечным.

– И да, Сергей, не в службу, а в дружбу – принеси, пожалуйста, овощной салат из холодильника, он на второй полке снизу. В этой жаре продукты быстро портятся. А я пока водочку разолью.

Спустя минуту прозвучал первый тост:

– Ну, Серега, с приездом на Ньюйоркщину тебя!

Друзья чокнулись и тут же дружно вгрызлись в сочное мясо. Нельзя не согласиться, что это было отличное продолжение вечера. Солнце уже скрылось за горизонтом, но темнота еще не наступила.

– Слушай, Шамс, да ты просто волшебник по шашлыкам! Такое мясо редко встретишь сейчас – мягкое, нежное, ароматное, просто супер! – промокнул губы Сергей и взял рюмку в руки:

– А, впрочем, ты всегда все делаешь с душой и от всего сердца. Ну, друг мой, а теперь я поднимаю тост за тебя!

У Шамсутдина повлажнели глаза, очень редко он слышал такие слова в свой адрес. И эти слова говорил ему почти что друг, а может быть и не друг, но очень близкий приятель. Не подчиненный или зависимый от него человек.

– Спасибо, Серега, мне очень приятно слышать это, – Шамсутдин выпил стопку, выдохнул... Мужчины встали, и Шамсутдин обнял Сергея, ласково похлопал того по спине, прошепав:

– Спасибо, эти слова дорогого стоят...

Где-то вдалеке шумел Нью-Йорк, шла иностранная

жизнь, но двум мужчинам за этим столом было просто хорошо. Местонахождение этого «хорошо» уже не имело для них никакого значения – будь это Америка, Россия или еще какое-то место на свете.

Откинувшись на спинки удобных плетеных кресел, они медитировали после четвертой стопки и тоста «За тех, кого с нами нет».

– Серега, а ты не куришь, случаем?

– Да не.... Шамс, я бросил эту дрянь лет двадцать назад. Дымил по пачке в день, пока в один из прекрасных осенних дней сын с женой не насели на меня: бросай, да бросай, не гробь свое здоровье. Я сдался, собрал яйца в кулак и...

Шамсутдин засмеялся в голос, за забором испуганно залаяла собака. Шамсутдин с трудом остановился:

– Я уже представил, как ты это сделал... Продолжай, я слушаю.

– И бросил. На следующий день и по сию минуту я не выкурил ни одной сигареты, даже после выпивки. Ну, ты понимаешь, как тяжело после пары стопариков удержаться от сигареты.

– Ладно, я понял. А работаешь-то ты где сейчас?

– Лет десять назад в Петрозаводске я создал Карельский учебный центр повышения квалификации, получил лицензию на образовательные услуги, а до этого выпускал журнал «Карельский Вестник строительства» и возглавлял представительство одной из образовательных организаций Москвы.

И в моей организации работала одна женщина, в ягодном возрасте, если можно так выразиться. Звали ее... Хотя, почему, собственно, звали? И сейчас зовут Ангелина Юльевна Крысенко. А как она ко мне пришла устраиваться... Это целая история.

Пришла она на собеседование, начала рассказывать о себе, а от нее явственно разлило страхом и застарелым потом... Надо было мне ей сразу отказать, но... Был один нюанс – она имела опыт работы в одной из коммерческих ВУЗов Петрозаводска, т.е. знала все тонкости и делопроизводство в этой сфере. Вот это и перевесило чашу весов – взял я ее все-таки на работу. И во время работы Крысенко часто жаловалась, что ей постоянно докучают звонками с предыдущего места работы, из того, предыдущего ВУЗа. Эта история со звонками продолжалась около двух лет. Она не объяснила причину увольнения прежнего места работы, просто сообщила, что, мол, ее просто упраскивают, умоляют вернуться обратно в ВУЗ и предлагают отличные условия, поскольку она является классным специалистом. Но она, якобы, не желает возвращаться из-за прессинга и унижений. Теперь-то, постфактум, я примерно представляю, почему это ее вдруг так настойчиво просили «вернуться». Думаю, ее просили не «вернуться», а вернуть деньги, умыкнутые хитроумным образом у этого ВУЗа. Видимо, у них у самих было рыльце в пушку, вот и не могли они напрямую пойти в полицию подать на нее заявление. Но дама эта оказалась тертым калачом и на эти звонки

не купилась.

Вот что надо было отметить: была она приятна в общении, обходительна, умела уговорить любого клиента, прямо-таки облизать его с ног до головы, фигурально выражаясь. Энергия прямо-таки перла из нее – документы она «пекла как пирожки», быстро и сноровисто.

Мой Учебный центр стал набирать обороты, мы стали более или менее хорошо зарабатывать, и лет пять спустя я вдруг отметил падение доходов. Причиной этому я посчитал конкуренцию и общий кризис в экономике. Но как я ошибался, друг мой Шамс, как я ошибался...

Сергей замолчал.

– Давай наливай, что остановился, задумался над моими словами? Сейчас выпьем, и я расскажу, что было дальше.

В свете лично зажженной им керосиновой лампы, вдохнув аромат топливной смеси от нее, Шамсутдин прошептал: «Люблю экзотику!», наполнил стопки и придвинул к себе-соседу чашку с огурцами.

– Вот, бери, Серега, сам засолил, с чесночком, укропом, листьями вишни и смородины. Малосольные. Здесь таких не купишь, хрень какую-то американцы продают, уксусом заливаю. Есть невозможно.

Друзья молча выпили и синхронно захрустели огурчиками.

Сергей отер рот салфеткой и продолжил повествование:

– И вот, спустя пару лет во время длинных новогодних

праздников я решил, даже не знаю, почему – сам поражаюсь, пошерстить служебные почтовые эккаунты – общий, и этой дамы, в частности. И то, что я обнаружил, повергло меня в шок: эта скотина в лице Ангелины Юльевны Крысенко перенаправляла наших клиентов в одну из Питерских организаций вместо нашего центра. По результатам моих изысканий я понял, что туда ушли деньги в размере примерно пятнадцати миллионов! Во как оно бывает, Шамс! А откат с этих договоров получала она, сучка.

– Я в шоке, Сергей, просто в шоке. Это же крыса, подлая поганая крыса. Даже уголовники мочат тех, кто ворует у своих. Но! Сережа, согласись, в этом есть и часть твоей вины. Ведь как говорил старик Мюллер? Верить никому нельзя! А ты поверил.... Зря...

Сергей обиженно замолчал, но в душе он понимал, что Шамсутдин прав: доверяй, но проверяй.

– Не расстраивайся ты так, подай заявление в полицию Петрозаводска – глядишь, и выгорит дело-то твое.

– Да отдал я уже эту бумагу, но они не мычат, не телятся, не знаю что и делать: то ли подождать, то ли...

* * *

Вспомнился Шамсутдину этот разговор не зря, он уже предположил возможность утечки чувствительных для Корпорации данных и то, что причиной этому может быть крыса, шпион, агент противника. Эту сволочь можно как угод-

но назвать, но ее обязательно надо выявить, иначе грош ему цена как владельцу и руководителю компании.

Василий и Светлана: последние слова

Все утро до момента организованной Амритом встречи со Светланой Василий испытывал непонятное ощущение – да, он хотел этой встречи с любимой, но понимал ее бесполезность для себя. Это был своего рода ритуал, польза которого была сомнительна, но он должен был быть исполнен – несмотря ни на что.

Это действие было особенно важно именно для мятущейся и мучительно переживавшей смерть любимого Светланы. Для Василия этот процесс был практически бесполезен – он ведь мог только его наблюдать, а вот сказать уже что-либо был не в состоянии, младенцы не говорят... Он уже привык к своему, при жизни ему неизвестному и непонятному состоянию, смирился и настроился на совсем другое, и тут... И согласился он на эту, можно сказать, авантюру только ради Светланы, единственной любимой им женщины. Это была последняя обязательная программа Василия в мире, который ушел от него, или он ушел от мира, что вообще-то было одним и тем же.

Василий хорошо помнил последний вечер с возлюбленной перед выездом на соревнования в Сочи. Это было чудесное время конца рабочей недели, они оба всегда пребывали в нетерпеливом ожидании наслаждения общением, когда ничто уже не могло помешать их совместным мечтам о будущем.

Была ранняя весна, на дворе стояла середина апреля, воздух был по-летнему теплым, слабый вечерний ветерок неторопливо колыхал тюль в проеме открытой балконной двери, был слышен отдаленный гомон соседей на лавочке, негромкая музыка из окна соседнего дома мягко сочеталась с запахом жареной с луком картошки из вентиляции в ванной. Тёмную комнату освещал мягкий синеватый отблеск работающего телевизора, чуть слышное бормотание очередного сериала не могло нарушить их мечтательной беседы:

– Вась, вот представь, мы с тобой поженимся в декабре, – раскрасневшаяся Светлана всем своим молодым упругим телом прижалась к любимому, – из твоих премиальных мы сделаем первый взнос за квартиру в новостройке в Бирюлево, и это будет уже НАША квартира.... Васька, нет – ты представляешь?! Наша!

– Да ладно тебе, – поцеловал Светлану Василий и счастливо улыбнулся в полутьме.

«Какая она у меня красавица», – подумал он.

– Светка, у нас с тобой все получится, детишек заведем....

– Да ладно тебе, мечтатель, нам еще жить негде, а он о

детिशках мечтает. Смешной, ты у меня, Васька...

Он вдыхал аромат ее волос, тела и наслаждался каждым мгновением, каждой минутой, проведенной с любимой. На экране телевизора молчаливо разыгрывалась очередная семейная драма, какие-то герои беззвучно говорили заученный текст, изредка эти картинки прерывались другими картинками, то бишь, роликами рекламы. Но это был лишь только фон того счастливого момента, который не все могут понять и осознать. Но эти двое находились внутри него, и, как ни странно, понимали суть происходящего...

– Вась... А, Вась... А что, если у нас ничего не получится?А? – в тишине внезапно прозвучал ее голос, и в этот момент уже не было слышно даже обычного сопутствующего бытового шума пятничного вечера.

Он не ответил сразу. Наступила оглушающая тишина, и эта пауза в две-три секунды показалась ей пропастью, вечностью, и она с замиранием сердца падала туда и не знала, достигнет ли она дна

– Да ладно, что ты так волнуешься, милая, – тембр его голоса показался ей каким-то отстраненным, звуком безжизненной, отдающей металлом бездушной машины, пахнувшей горячим металлом и смазкой. Лицо Василия было бесстрастным, ничего не выражало и как будто напоминало маску, а спустя секунду в его пространстве будто что-то мгновенно и неуловимо изменилось.

– А? Ты что-то сказала? ... Я не понял..., – вернулся

Василий в этот мир, как будто пребывал других измерениях и далях, невидных никому.

Светлана содрогнулась: он не слышал ее сомнений, ее вопроса, и это показалось ей таким странным и непонятным. И тут же в ее голове мелькнула мысль, что такие странности в поведении Василия стали наблюдаться после знакомства с Амритом и его индивидуальных упражнений. Светлана это сразу, конечно же, подметила, но не придавала этому особого значения (подумаешь, все мы живем со своими тараканами в голове).

– Вась, а Вась, ведь ты меня не слышал сейчас, – прошептала она, глядя на его лицо в синих отблесках света с телеэкрана, – что-то с тобой случилось минуту назад, я это видела. Ты хоть сам это понимаешь, любимый?

Он вздрогнул, его обращенный внутрь себя взгляд стал осознанным:

– А что случилось-то, Светочка? Разве что-то было не так, как раньше? Я не уловил ничего странного в себе... Может быть, просто задумался о чем-то, такое же бывает с каждым. Разве нет? Просто мне вспомнилась одна из бесед с Амритом, очень странная беседа была. Я даже не до конца помню, о чем мы говорили и что обсуждали. У меня в голове остались только какие-то обрывочные фрагменты, которые я могу воспроизвести более или менее понятно.

Например, он говорил, что сможет связаться со мной, когда я буду в иных мирах и иных состояниях... Я даже не по-

нимаю, как это: в других мирах...? Это где, это когда...? Я же живу на Земле и других миров не знаю. Ну ладно, предположим, пофантазируем, что я окажусь, допустим, на Марсе... Да ну, бред какой-то, это нереально, невозможно. Все эти его слова я не понял, но помню лишь одно. Он сказал мне: «Василий, ты вспомнишь мои слова и инструкции потом, когда это время наступит. Правда, я не знаю, когда».

Светлана внимала молча: смысл сказанного ей Василием был недоступен. И в то же самое время она понимала, что индуистская философия и познания йогов гораздо обширнее и глубже, нежели ей представлялось ранее.

* * *

В день встречи со Светланой ранним утром, часа в четыре или около этого, Василий накоротке переговорил с Амритом.

Это, как всегда, происходило напрямую, в виде ментального общения по установленному между ними мысленному каналу связи.

– Василий, сегодня настал тот день, день встречи со Светланой, ты готов к этому испытанию? (Медленно гаснувшая фиолетовая точка – вопрос).

– Да, учитель, я готов, поскольку из мира людей я перешел в разряд духов и отрешился ото всего прошлого: «Снявши голову, по волосам не плачут». Я надеюсь, что все пройдет без лишних волнений для людей, для участников этого

действия, и, в первую очередь, для Светланы. Именно для нее важен факт осознания невозвратности, невозможности вернуть прошлое и начать жить настоящим и будущим. (Зеленая точка – спокойный ответ).

– Спасибо, Василий, ты понимаешь все абсолютно правильно, ты избран провидением и у тебя другой путь, другое предназначение. Ты теперь – совершенная душа и человек, глубинной сутью которого ты являешься, обладает огромным потенциалом, недоступным другим смертным. На этом я заканчиваю наше общение, до связи. (Медленно гаснувшая зеленая точка).

Разговор окончился, ритуал осуществлен.

За время пребывания в этом новом состоянии Василий вдруг осознал, что постепенно избавился от эмоций, человеческих эмоций, если можно так выразиться. Да, даже и не так – они ушли от него, исчезли. Видимо за ненужностью. И другое, что Василий заметил за собой: свойства его памяти изменились (он вдруг до мелочи, можно сказать фотографически вспомнил все, что с ним было на протяжении всей его недолгой жизни от момента рождения до смерти):

– Рождение на свет, когда он впервые открыл глаза, и ему, с его мутным, еще не настроенным детским зрением, были видны какие-то неопределенные аморфные фигуры людей, их непонятные звуки. А еще он запомнил яростную нехватку воздуха и чувствовал, что еще одно мгновение, и он задохнется... Однако большой удар по попе вынудил его обиженно

закричать и, наконец, вдохнуть глоток такого необходимого ему кислорода. После этого окружавшие его люди загомонили, забормотали и даже проявили эмоции в виде нескольких отрывистых звуков на выдохе. Это позже он понял, что это был радостный смех персонала, а тогда Василий был сильно испуган, когда вынырнул из теплого материнского лона в жестокий холод реальности.

– Первую обиду на родителей за их отказ купить в магазине понравившийся ему перочинный ножик, который в свернутом положении был похож на маленький лакированный башмачок. Тогда он вместе с папой и мамой зашли в магазин купить ему ботиночки на зиму. И пока они ходили и подбирали подходящие, он стоял около витрины и заморожено смотрел на это чудо, отделанное розовым с блестками перламутром и сияющее металлом, на этот перочинный ножичек. Он даже уже представил, как будет хвататься им перед дворовыми ребятами и строгать палочки для корабликов. В его представлении, это уже был практически его нож, осталась только одна малость – купить его и все. Но от его просьбы папа с мамой отмахнулись как от назойливой мухи. И, сколько бы он их ни упрашивал и ни умолял, все было тщетно. Он потерпел крах: все рухнуло, мечтам не было суждено осуществиться. И это была обида, жестокое разочарование. Ему не было важно, есть ли у мамы и папы деньги или же их нет. И главной его ошибкой была та, что совершают большинство людей: они строят в своей голове план, за-

тем на основе этого создают воображаемую, почти материализовавшуюся иллюзию и считают ее реальной. Ну а далее, на основе этого миража выстраивают дальнейшие действия, и когда наступает крах этой химеры, свершается трагедия. Это было неизбежно – нельзя жить в призрачном, выдуманном мире.

– Первую в двенадцать лет мальчишескую влюбленность, безответную и отчаянную. Девчонку звали Нина, и ей было лет двенадцать, также, как и Василию. Она жила в их дворе и была сестрой соседского мальчишки. Он точно помнит, что она была очень худенькой девочкой, с тонкими чертами лица, русыми волосами и большими серыми глазами... И когда она проходила по двору мимо мальчишек, его сердце сжималось, к горлу подкатывал комок и он не мог отвести от нее взгляда. И если бы она поманила его своим пальчиком, он бы пошел за ней куда угодно, как раб или собачка на поводке. Василий ждал даже мимолетного намека на поворот ее головы в его сторону, но его не было... Это была боль, но сладкая боль, страдание. Но он хотел испытывать ее еще, и еще ..., бесконечно, как наркоман. Но в этом пространстве он для нее не существовал, его неловкие попытки заговорить встречали холодность и пренебрежение, и это тоже было обидно. Ребята смеялись надо ним и говорили:

– Не видишь, что ли, она же недотрога, пошли лучше из рогатки в ворон постреляем... Дурачок...

А он им не верил... Проходя по двору, все время смотрел

на ее окна, но она так ни разу и не выглянула. Так и сошло на нет его первое чувство неосознанного мальчишеского влечения к противоположному полу. Болезнь первой любви прошла, но запомнилась и сделала прививку на всю жизнь.

— А как он много читал! Это что-то! В их доме была превосходная библиотека — спасибо папочке. Там было все самое интересное и любопытное: от Артура Конан Дойла до раритетных двенадцати томов Детской энциклопедии, одной только фантастики было более сотни книг, уже не говоря о Стивенсоне и Майн Риде. И все это было прочитано и неоднократно. Мало того, все полученные учебники в момент получения также были полностью изучены и проштудированы.

И сейчас в состоянии духа или души — даже не знаю, как правильно назвать это существование — все это он помнит до мелочей, вплоть до пресловутой шоколадной пасты «Нутелла», которую выпускала итальянская компания Ferrero, ее объем, вес, дату выпуска, место производства и импортера, и стоимость одной баночки в 90-х годах. Он мог расписать каждый день своей жизни поминутно, сказать сколько окон в его доме и назвать номера всех проезжающих мимо машин в определенный день недели. Он помнил все в своей бывшей жизни, но только зачем это ему сейчас... Зачем? Он превратился в склад заброшенных знаний, помещение для ненужных вещей... И в этот склад уже никто не придет, потому как не знает о его существовании, да и некуда....

Его свободные размышления прервались около пяти ча-

сов утра: владелец души Василия – Петенька, младенец восьми месяцев от роду, мучимый метеоризмом – болел животиком. Мальчик лежал в своей кроватке, кряхтел потихонечку, пускал пузырьки пухленькими губками, пукал, но все попытки привлечь внимание родителей были тщетны – Лида и Сергей спали, смотрели самые сладкие предрассветные сны.

Это были счастливые сны. Но для каждого по отдельности.

У Сергея почти всегда сны были тревожными, правда, иногда тестостерон давал о себе знать и подавлял всякую разумность, предоставлял мужскому мозгу всякое эротическое непотребство, чему, честно говоря, внутри себя Сергей был рад: период его гиперсексуальности подходил к концу и давал о себе знать такими вот всплесками. И снилась ему, почему-то совсем не Лида, а какие-то другие женщины, каких в жизни-то у него никогда не было. Все сплошь модельной внешности: яркие сероглазые блондинки и огненно-жаркие волоокие брюнетки. А уж про то, что там внутри сна он с ними творил, мы благоразумно умолчим, да как-то неудобно это показывать и не к месту об этом писать, настолько это было непристойно.

Лидии же почему-то снилось побережье Адриатического моря жарким летом и в этом сне она видела, как Петенька сидит в детском бассейне внутри дворика виллы и, заливаясь радостным залиvistым детским смехом, хлопает пухленькими ладошками по теплой морской водичке. Приятный теп-

лый ветер лениво колыхал пальмовые ветви, остужал разгоряченные тела и смягчал июльскую средиземноморскую жару.

Лида в обнимку с Сергеем сидят на мягком кожаном диванчике рядом с сыном и с любовью смотрят на него. Синее безоблачное небо, яркое и совсем не жгучее солнышко на фоне выходящего по каменным стенам виноградника создавали уют и комфортную, почти камерную обстановку.

Ну, просто идиллия – ни дать, ни взять. Но, чу! Петенька прервал свои игры с водичкой, отчетливо и громко сообщил, как будто бы ни к кому не обращаясь:

– Мама, я какать хочу, помоги мне!

Эти слова встревожили Лиду, она заволновалась в своем сне, даже не удивившись тому, что практически девятимесячный ребенок вдруг заговорил. Она попыталась встать к сыночку, но не смогла – Сергей крепко держал ее за талию и никуда не пускал, при этом деревянно улыбаясь в пространство. Лида пыталась его оттолкнуть, но не смогла.

– Сережа, убери руку, видишь, сыночку надо помочь! – она попыталась встать в своем сне и на этом месте проснулась. Петенька рядом с ложем супругов в своей кроватке кряхтел и тужился: неразрывная связь матери и ребенка возымела свое действие.

Лида откинула одеяло и опустила ноги на прикроватный коврик с высоким ворсом, включила ночник, кинула взгляд на часы – 4.49. Она сделала шаг к кроватке – сынок вертел

головой, тихонько крякал и краснел личиком. Его щечки покраснели, лобик наморщился....

– Сыночка, миленький, животик болит у тебя... Сейчас, сейчас... Я быстренько...

Лида быстро откинула одеяльце, взяла мальчика на руки и перенесла на пеленальный столик, сняла с сына ползунки и нежно погладила тому животик:

– Сейчас, мой хорошенький, сейчас, мой сладенький.... Ну, ну, давай тужься... Во-о-от, молодец... Сережа, Сережа, проснись, открой в ванной водичку Петеньке попку подмыть. Да открой ты глаза... Открыл? – рассерженно повернулась Лида к мужу.

Сергей, недовольно бурча что-то под нос, сонно потирая глаза, в одних трусах и майке пошлепал в ванную, и включил душ:

– Лида, неси сыночка, все готово.

Минут через десять все процедуры были проделаны, члены семьи заняли свои спальные места и попытались заснуть, Лида счастливо улыбнулась и, обняв мужа за талию, закрыла глаза. До подъема оставалось чуть более часа.

Василий наблюдал эти процедуры со стороны и отнесся к ним философически – лишь бы мы вовремя прибыли на медосмотр в поликлинику. Посмотрев внутрь тела своего носителя, он не обнаружил чего-либостораживающего: организм ребенка функционировал как надо.

С момента очередного, уже планового пробуждения семьи

в семь утра, Василий не обращал особого внимания на ежедневные процедуры с ребенком, его занимали другие мысли: как он сможет показать Светлане то, что он действительно видит и понимает ее.

«А что я могу сделать, пока Петруха спит? Ну что? О разговоре вообще речи нет, даже глупо об этом упоминать. А что еще в моем арсенале? Да мало чего – может быть только глаза открыть, да и то при очень больших усилиях. Ну или звук какой издать, нечленораздельный... Да и помогут ли Светлане эти мои ухищрения? Не знаю, не знаю... Будем ориентироваться по ситуации».

До места встречи Петеньку несли на руках, везли в автомобиле, по-видимому, в такси, где по радио крутили шансон, что в просторечии называют одним определением «блатняк». По этому поводу мне даже вспомнился анекдот: «В музыкальный магазин зашел, как о таких говорят, «альтернативно одаренный» молодой человек с банкой пива в руке и с шелухой от семечка подсолнуха на нижней губе:

– Слышь, это, как его... у тебя это.... Как бы, шансон есть? Купить хочу парочку дисков, – обратился он к утонченно интеллектуальному продавцу, молодому мужчине с прической под Джона Леннона с прямым пробором и очками-велосипедом на тонком, с горбинкой носу.

– А что предпочитаете? – учтиво наклонился к нему «музыковед», – Шарля Азнавура, Мирей Матье или еще чего в этом направлении? Могу посоветовать.

– Не-е-е-е, – не замедлило с ответом это существо с пивом в руке, – мне... это, как его.... Шуфутинского, Любочку эту, Успенскую ... хочу купить....

– А-а-а-а, – разочарованно промолвил продавец, – блатня-я-як – это там, в правом углу от входа стоят стеллажи».

Что же касается восприятия окружающей обстановки, Василий мог только слушать происходящее вокруг, но не видеть: благо, Петенька после встряски ранним утром был уставшим и спал крепко.

Судя по разговорам Лиды в регистратуре, к месту встречи они прибыли прямо ко времени. Поднялись на несколько этажей, Лида села и стали ждать... Точно он не знал, куда они пришли, наверное, к педиатру, а к кому же еще? Не к стоматологу же...

Скрипнула дверь, и он услышал до боли знакомый голос родной и единственной Светланы:

– Лидия Манохина? – тут в разговоре наступила небольшая пауза, было слышно лишь дыхание двух женщин и шуршание каких-то бумажек.

– Да, это я.

– Хорошо, возьмите ребенка и проходите в кабинет.

Пока происходила процедура оформления, заполнения карточки Петеньки, Василий прикидывал, что же будет дальше, как это всё произойдет, и сможет ли он увидеть Светлану. А именно, поднять веки спящему ребенку было совсем непростой задачей, равносильно тому, чтобы заставить чело-

века спать с открытыми глазами. Но он уже проделывал такую шутку с молодым отцом Петеньки восемь месяцев назад, когда он забирал сына из родильного дома – он ему подмигнул. Вернее, ему подмигнул новорожденный сынок, и Сергей, конечно, был просто в шоке и не поверил своим глазам. Но тогда это было сделать сравнительно просто – координация у новорожденного ребенка была еще не отлажена, и этот финт было сделать гораздо проще, нежели по прошествии почти восьми месяцев.

«Ну да ладно, соберусь – ведь когда я очень хочу, у меня все получается», – решил Василий.

Пока он размышлял о своих, можно сказать, технических возможностях организовать визуальный контакт со Светланой, произошло множество событий, которые ускользнули от внимания. Он вернулся к реальности лишь тогда, когда Петенька оказался в относительной тишине, и даже сквозь сомкнутые веки ребенка он понял, что свет кабинета сменился на темноту другого помещения. Зажегся какой-то источник света, более темный, чем обычная лампа, возможно, это было бра.

И тут произошло какое-то изменение. Он наконец-то оказался наедине со Светланой и услышал ее глубокое дыхание, за которым ее проникновенный грудной голос зазвучал в этом закрытом пространстве:

– Васенька, любимый мой, я пришла сказать, как люблю тебя, как я страдаю без тебя...

Василий почти физически ощутил волну дрожи и сумасшедшей энергетики, шедшей от Светланы прямо к нему, минуя младенца. И вот здесь он снова проявил свою волю и мастерство, чтобы хоть ненадолго, хоть на несколько секунд приоткрыть веки у спящего Петеньки. Это ему удалось: прямо на него смотрела красивая в своем безутешном горе его любимая, но уже безвозвратно недоступная женщина. До сего момента потухший взгляд Светланы вдруг загорелся огоньком надежды.... Нет, не надежды на его воскрешение, это же было понятно и так, а надежды на то, что он, ее любимый мужчина, слышит ее, понимает ее и видит ее.

Василий впитывал в себя ее образ, как сухая почва жадно поглощает капли освежающего дождя: ее серые, полные слез глаза, приятный овал лица с ямочками на щеках, чувственные губы, приоткрытые в желании сказать все свои слова любви.... Ее чудную родинку на скуле, безукоризненно белые, правильной формы зубы...

Жаркий шепот Светланы поверг Василия, вопреки его представлениям об отстраненности от эмоций, в беспросветное пространство безнадежности и безысходности:

– Васенька, родной мой, – шептала она завораживающе своим низким контральто, – знай, что я люблю тебя и буду любить до своей кончины. Знаю, что ты не можешь ответить, не в твоих это силах. У меня только одна просьба – помоги этому мальчику стать настоящим мужчиной, каким ты был для меня. Прощай навсегда....

О, как он хотел бы зарыдать, прижавшись щекой к щеке и дать волю чувствам. Но физиология и время были неумолимы: ввиду неестественности состояния, открытые глаза ребенка стали сохнуть, их наполнила спасительная слеза, Василий закрыл глаза, а остаток слезы скатился по щечке ребенка.

В истории их земной любви была поставлена точка. Окончательно.

Это свидание далось ему очень тяжело. Но Василий самостоятельно принял это решение, это было его долгом, который был исполнен. Более обязательств перед миром живых, конечно, исключая мальчика Петра, у Василия не осталось.

Амрит: Воспоминания, часть первая

Летнее утро в Мумбаи всегда наступает рано, часика эдак в четыре с небольшим. С момента поступления Амрита на учебу в Академию информационной безопасности прошло чуть более двух месяцев. И сегодня он проснулся раньше обычного, минут через сорок после того, как в парке загомонили первые птицы. Причиной этому была одна мысль, которая не оставляла его с того момента, когда он сел в обшарпанный школьный автобус и уехал из приюта строить свое персональное будущее: обучаться премудростям эзотерических знаний, приобщаться к опыту древних индийских мыслителей, стараться постигнуть тонкости претворения в жизнь старых рецептов жизни, подтвержденных опытом пращуров.

Комната в общежитии, где он с однокурсником жил все это время, ничего особенного из себя не представляла. В нее вела простая крашенная темно-коричневой масляной краской деревянная дверь с железной ручкой, замка в ней не было. Пол также был деревянным, но не крашеным, а скобленным, из дерева с темной структурой. Слева от входа стоял открытый платяной шкаф из ДСП, далее располагалась кро-

вать с деревянными спинками, металлической сеткой и матрасом на нем. Другая, точно такая же кровать стояла у противоположной стены. Прикроватные тумбочки примыкали к изголовьям кроватей. Стол с одиноко стоящей на нем лампой и двумя стульями можно было увидеть в правом углу комнаты. Окно с затемненными стеклами было закрыто пыльными, с пятнами грязи шторами из ткани какого-то серого, непонятного цвета. Из открытой форточки в комнату проникал свежий утренний ветерок, был слышен шум листвы и воркование птиц.

Также в интерьер комнаты входила люстра со стеклянным аляповатым, светло-синего мрачного цвета засиженным мухами абажуром.

Амрит лежал на спине, руки были закинута за голову, глаза были раскрыты, взор выглядел затуманенным, отрешенным и неподвижным: он стал припоминать некоторые интересные подробности из своей жизни до приюта, и даже до перемещения в другую реальность – в ашрам в Ришикеше.

«Вот ведь как интересно, – думал он, – только лишь сейчас, обладая некоторыми эзотерическими знаниями (при этом Амрит не обольщался, понимая, что впитанные им учения древних не составляют и сотой доли от того, чего он еще не знает) и небольшим жизненным опытом, я постфактум стал осознавать и правильно оценивать то, что произошло со мной в прошлом. В недалеком прошлом... Хотя нет, наверное, в далеком прошлом, лет десять назад, когда я еще был

воспитанником приюта для сирот.

Жили мы там, прямо говоря, почти по-скотски, но никто не возмущался. Почему? Да это же просто: до попадания в приют мы вообще-то жили на улице, носили лохмотья, питались чем попало, спали на вокзалах, а когда оттуда нас выгонял полицейский, переходили на улицу, шли в парки на скамейки и то, если повезет. Но в большинстве случаев не везло: спали на сложенных картонных ящиках от бытовой техники. Не хочется это вспоминать, но и забывать нельзя.

На дворе стоял октябрь, каждое утро предательский холодок залезал каждому из нас под жалкие остатки одежды, мальчишки прижимались друг к другу, и никто из них не горел желанием встать и потерять остатки такого малого, но комфорта. Даже естественное давление в мочевом пузыре, которое обычно ранним утром испытывает любой человек, не стало тем импульсом, который изменил бы предыдущее решение.

По какой-то неизвестной мне причине, я всегда предчувствовал коренные изменения в своей жизни, вот и сейчас я вздрогнул, раскрыл глаза и ощутил угрозу. Мне было видно, что в полной утренней тишине, в бессолнечном тумане к нам, как призрачные видения, но практически реальные, бесшумно приближались темные фигуры. Поначалу я подумал, что это мое продолжение сна, которое было страшным...

Но в то злосчастное, как мы думали, утро, к нам, тихо урча двигателем, практически неслышно подъехал автомобильный фургон, из него вышли какие-то люди в синих рабочих комбинезонах, стали будить всех беспризорников, поднимать их с нагретых лежанок и вести к автофургону. За этой акцией со стороны наблюдали около восьми полицейских с дубинками в руках, а чуть поодаль стояли две машины из полицейского департамента города.

Во сколько это случилось, мы не знали, но было очень рано: в городе стояла туманная дымка, улицы были безлюдны и молчаливы, птицы только-только стали подавать свои голоса.

И вот, когда нас, бездомных пацанов, стали загружать в какой-то автофургон с решетками на окнах, мы очень испугались и подумали, что нас везут в тюрьму. И вот тут какой-то мальчишка из наших, в порыве сопротивления укусил за руку одного из этих людей. До крови. А потом сам испугался и заплакал... Я давно знаю этого, в общем-то, славного и добродушного парня, это был Вимал, мы прошли с ним через все испытания непокоренными и остались стойкими к ударам судьбы.

Так вот, после того, как он укусил этого волонтера (это я уже сейчас понял, что это были они) и попробовал убежать, тот, несмотря на кровь из раны, не отпустил пацана и держал его до конца, а к мужчине подошла сухощавая женщина средних лет с добрым взглядом на осунувшемся лице

и с проседью в волосах. Она погладила Вимала по голове и успокоила.

– Не бойся, мальчик, мы вас отвезем в хорошее место. Там вас накормят и оденут.

В её голосе мальчик вдруг услышал заботливые материнские нотки, своей мамы, которой он никогда не знал и которой ему очень не хватало. Вимал судорожно выдохнул и успокоился, в тоже время внимательно оглядываясь по сторонам.

Мы сидели на некрашенных деревянных скамейках в фургоне, каждый из нас был настороже – уже давно беспризорники не ждали ничего хорошего от взрослых людей. В фургоне сидело человек пятнадцать, многих я знал то ли по кличкам, прозвищам и редко – по именам. Сейчас, уже за давностью лет я не помню ни их лиц, ни их имен, за исключением моего друга Вимала, с которым мы делили и радости, и горести пополам. Он везде держался рядом, а сейчас он прямо-таки жался ко мне всем телом, потом взял мою руку, заглянул в лицо и с дрожью в голосе спросил:

– А что с-с-с... н-на-м-м-м-и... будет? Н-н-ас, п-п-поса-д-дят в т-т-тюр-р-рьму?

– Не знаю, Вимал, не знаю... Но я думаю, что все будет хорошо, – хотя я этого сам не знал, – успокойся.

– А м-м-меня-ня-ня, н-н-не н-накажут?

– Я буду всегда с тобой, не волнуйся.

Для нас прежний мир был уже понятным и знакомым: мы

знали, куда надо идти за едой, где дадут одежду, на каких картонных коробках лучше всего спать, с кем можно дружить, а с кем – нет, и что от полицейских нужно бежать врассыпную.

И вот, нас голодных, обозленных, завшивленных зверьков, везут куда-то в неизвестность, как потом мы узнали, в отборочный санитарный пункт. В фургоне во время поездки рядом с нами сидел бугай ростом под два метра, с угрюмым лицом и широкими плечами. Он обладал настолько тяжелым взглядом, что мы чувствовали прямо физически. Этот мужик, словно бетонная плита, давил на нас, и при виде этого амбала дурные мысли у всех, у кого они еще остались, тут же испарились. Во избежание проблем.

Минут через двадцать или около того мы остановились. Мальчишки повернулись к зарешеченному окошку автофургона и увидели за оградой отдельно стоящее здание из красного кирпича. На обветшалом, с признаками синей краски деревянном заборе рядом со въездными воротами висела жестяная табличка с какими-то надписями. Мы не знали, какими, – все ребята были неграмотными.

Машина въехала во двор, ворота сомкнулись, и одновременно с этим для нас закрылась прежняя жизнь, зато отворилась дверь фургона. Я первым спустился на землю и за мной потянулись остальные. Окинув беглым взглядом каменный сухой двор с несколькими чахлыми деревцами, я понял, что отсюда не сбежать: забор был высоким, поверх него

виднелась ржавая колючая проволока.

Тяжело вздохнув, мы с державшим меня за руку Вималом подавленно пошли ко входу в здание. Солнце уже взошло, было душно и безветренно. Царила полная тишина, точно такая же, если бы все воткнули себе в уши вату.

Внутри нас уже ждала прохлада и сухощавый высокого роста мужчина с живым пытливым взглядом черных глаз.

– Давайте, давайте, проходите прямо. Там открыта дверь, входите и садитесь на лавки. И не бойтесь, все будет хорошо, – непрерывно, с хрипотцой в голосе, повторял он почти для каждого из нас.

По-прежнему пребывая в шоке, мы расселись по лавкам и молча оглядывали голые стены комнаты, окно без занавесок с настолько грязными стеклами, что за ними угадывались только силуэты пространства за ним. Через некоторое время в комнату вошел тот же мужчина, что встретил нас около входа. В комнате царило молчание, все проголодались, да и поводов для веселья не было.

– Здравствуйте, мои дорогие соотечественники, я рад видеть вас у нас в гостях.

По рядам прошелестел шепоток:

– Как он нас назвал....?

– Кто это....?

– Ничего не понимаю....

– Меня зовут Рабиндранат Тагор, я директор этого пересыльного пункта, я прошу прощения, что мы привезли вас

сюда насильно.

Он прокашлялся, закрыв ладонью рот, и продолжил:

– Но вы сами сюда точно бы не пришли, не так ли, мои дорогие?

Он не ждал ответа на свой вопрос, украдкой посмотрел на ладонь и с внезапно расширившимися глазами, опавшим голосом продолжил:

– Правительство нашего государства уполномочило нас помочь своим малолетним согражданам, дать вам возможность получить образование, профессию и найти свой путь в жизни. В решении этой задачи участвуем не только мы, но и ряд приютов для детей в разных уголках Индии. Здесь сможете вымыться, получить чистую одежду и нормально поесть...

На этом месте мальчишечьи глаза загорелись надеждой, на их лицах появился румянец и слабые улыбки.

– Ты слышал, что он сказал? – ткнул мне в бок локтем Вимал. – Я бы сейчас слона сожрал!

В его животе послышалось голодное урчание.

– Да слышал, не глухой, я тоже голоден как тигр. Давай послушаем, что он скажет дальше.

– Сейчас вы пойдете в душ, каждый из вас получит кусок мыла и чистую одежду, а потом вас покормят. После этого с каждым мы поговорим и выдадим документы, это займет весь день. А завтра все разъедутся по приютам. Сейчас, вас ждет душ, а после завтрак. Вперед!

Впервые за много лет мы вымылись, струи горячей воды потекли из лейки душа по моему телу, я испытывал неимоверное удовольствие. Клубы пара наполнили душевую комнату, ребята намыливались, смеялись и переговаривались:

– Я даже не помню, когда мылся, а здесь так хорошо, м-м-м-м....

– Горячая вода, ах, как классно!

– Посмотри, какая вода внизу течет... грязная... Ф-фу-у-у...

В раздевалке нас ждал сюрприз – вся наша одежда пропала, свои вещи из карманов мы нашли на скамейках, где все сняли одежду. Однако, вместо пропажи мы увидели ровно шестнадцать комплектов нижнего белья, штанов и рубаш, сверху каждой кучки лежало полотенце.

Мальчишки с порозовевшими лицами выглядели расслабленными и довольными, потом нам выдали рубашки, штаны и сандалии и накормили горячей едой. И вот уже сидя за обеденным столом, я увидел блеск в глазах и улыбки на лицах большинства ребят из нашего неформального братства. Не все так плохо в жизни, особенно когда ты сыт, одет и находишься в тепле.

После завтрака всех потянуло в сон, и пацаны в большинстве своем положили головы на сложенные на столах руки и заснули. Спустя минут пятнадцать нас поодиночке стали выводить и опрашивать – выяснять имена и фамилии, принадлежность к той или иной касте, роду. В Индии очень важна

именно эта деталь, ведь могущественная каста или род могли дать светлое будущее своему соплеменнику.

И я также подвергся такому опросу, назвал свое имя – Амрит и фамилию – Сингх (откуда я это помню, убей, не скажу, сам не знаю), сказал свой примерный возраст – шесть лет, местом рождения мне определили город Удайпур, откуда нас и забрали в этот распределитель. После всех этих формальностей мне выдали свидетельство о рождении, и я стал полноправным гражданином Индии, правда, прочесть этого так и не смог.

Оформление документов и другие формальности заняли весь день, вечером всех накормили ужином, не ахти каким, но горячим: там была плошка риса с куском отварной костлявой рыбы, пирожок с картошкой, да теплая темноватого вида жидкость под названием «чай». После этого, в спальней мальчишки, пожалуй, впервые в своей жизни увидели настоящие простыни, немного желтоватые, но чистые, каменной твердости подушки и, конечно же, долгожданные одеяла, суровые, грубые, мерзко пахнувшие дезинфекцией одеяла. По очереди все сходили по малой нужде в туалет на улице и утихомирились до утра.

На следующий день после завтрака нам объявили, что несколько приютов в разных концах Индии предоставили несколько мест для забранных вчера с улицы беспризорников, каждому из нас выдадут полотняные сумки с комплектом белья, мылом, зубной щеткой и порошком. Правда, что

делать со щеткой и порошком, никто из нас не знал, и просто смеялись, рассматривая эти «бесполезные» предметы.

Спустя некоторое время мне и Вималу сообщили, что нас к себе забирает приют в Ахмадабаде, и мы поедем туда вдвоем в сопровождении одного из работников этого распределителя. Как ни странно, с нами поехал все тот же суровый мужчина из автофургона, и наше желание сбежать по пути к месту назначения почему-то пропало, к тому же все документы и наши вещи он держал при себе. И мы подчинились судьбе.

Примерно через час на рейсовом автобусе мы выехали в направлении Ахмадабада и к вечеру уже входили в ворота приюта на окраине этого города. Там жизнь была, конечно, получше, чем на городских улицах Удайпура, но здесь была своя специфика в виде директора приюта Аджита Ганди – сумасбродного диктатора, меняющего свое мнение по несколько раз на дню.

На наш взгляд, он был очень старым, лет сорока, низкого роста, смуглое лицо было изборождено глубокими морщинами, глубоко посаженные зеленые глаза прямо буравили всех окружающих в попытке вывести собеседника на чистую воду. Пикантности его внешности добавляли черные усики, щеткой торчащие под вислым с горбинкой носом. Ну а редкие желтые зубы, редким частоколом украшающие его уста, добавляли неприятных черт его внешности.

Первая часть дня все будние дни, включая и субботу, была

занята уроками в рамках обычной школьной программы. По окончании занятий мы обедали, а потом работали по приюту – на своих полях и грядках, помогали по кухне – чистили овощи, перебирали рис, поддерживали в порядке овощехранилища, делали мелкий ремонт в здании. Так мы и крутились днями, неделями, месяцами и годами. И казалось, что этому не будет конца... Одной отдушиной для нас были демонстрации наших индийских фильмов, там мы смеялись, плакали, переживали за героев мелодрам. И когда загорался свет, и белый полотняный экран оказывал на нас некое трезвящее влияние, воспитанники некоторое время сидели на своих местах, находясь под впечатлением иной жизни, которая проходила мимо нас. Потом все нехотя, медленно вставали со скамеек и, тихо переговариваясь, шли в спальное помещение: недельная усталость давала о себе знать.

Иногда к нам приезжали разного рода государственные комиссии – с проверкой соблюдения правил содержания воспитанников, финансовой дисциплины. Они проводили плановые медосмотры и другое.

За два-три дня до них директор выстраивал все учебные классы с самого младшего по выпускной во внутреннем дворе и начинал читать нотации и страшать карами небесными тех, кто проговорится перед проверяющими, или того хуже – пожалуется на плохие условия содержания. Обычно это представление происходило утром, часов в семь, до завтрака, кряду по полтора-два часа подряд.

Директор разглагольствовал увлеченно, прохаживаясь вдоль шеренг воспитанников, повторялся, бессвязно пере-скакивал с одной темы на другую, еще нежаркое утреннее солнце слепило ребят и не все выдерживали долго стояния под монотонное бормотание своего начальника. Голод стоял в глазах пацанов, силы уходили, но все молчали.

В то утро (мне кажется, это был четверг), когда утренняя заря только-только стала зарождаться, постепенно замещая темноту ночи своим пока неярким и зыбким светом, тишину вокруг здания приюта уже нарушило разрозненное птичье пение, и вскоре оно стало напоминать какофонию звуков. Мне не спалось по простой и веской причине – очень хотелось сбежать в туалет на улице по-маленькому, но я никак не мог себя заставить встать: меня пугала зыбкая утренняя прохлада и роса на траве. Но выбора не было: я встал с кровати, откинув теплое одеяло, всунул ноги в старые резиновые галоши и пошаркал по центральному проходу спальни к выходу. Мальчишки вокруг вразнобой сопели, смотрели сладкие утренние сны, несмотря на птичий гвалт за окнами. Дежурным в этот раз был назначен один из моих одноклассников, смешливый шалопут Дхавал Марвари. Он все время отпускал едкие шуточки в адрес своих товарищей и исподтишка подтрунивал над директором, изображая его походку и пародируя пафосную речь.

Стол дежурного стоял перед самым выходом, вот именно за ним и нес свою тяжкую повинность Дхавал. Хотя, назвать

ее тяжелой было нельзя – он просто спал на столе, положив голову на руки.

Я не стал его тревожить и постарался проскользнуть мимо максимально тихо, и это почти мне удалось, но входная дверь предательски закрипела, как несмазанное колесо у телеги – я замер... Но ничего не случилось – дежурный только поднял голову и бросил на меня мутный сонный взгляд, и пробормотав:

– Шляются тут всякие, – уронил голову на руки.

Утренняя зорька уже вставала в свой яркой красе, верушки деревьев подсвечивались первыми лучами встающего светила, стоял полный штиль. Пока я вприпрыжку бежал к деревянному туалету на шесть посадочных мест в левом углу двора, мои ноги сбили всю росу на траве и стали мокрыми. Одновременно с этим мои бедные яички поднялись вверх и попытались подняться к горлу, но не успели. Я уже вошел в наш так необходимый туалет.

Стараясь глубоко не дышать, я приступил к процессу, одновременно осматривая стену перед собой на предмет новых «наскальных» надписей, но ничего, кроме вариаций на тему «Аджит Ганди – дурак!» я не обнаружил.

Путь назад был проделан еще быстрее, потому как меня подгоняла мечта быстрее нырнуть под теплое одеяло и отогреться. При входе в спальную висели часы – они показывали пять часов пятнадцать минут, до шести еще можно было поспать. Дхавал на этот раз вообще не среагировал. Я по-

дошел к своей кровати, случайно бросил взгляд на спящего на соседней койке Вимала: из-под одеяла был виден только его нос. Я улыбнулся, лег и тут же провалился в забытие без сновидений.

Мой мгновенный хрустальный транс был внезапно прерван колокольчиком и радостным криком дежурного:

– Подъем, сони! Хватит спать, вас ждут великие дела: уборка пыльного помещения, умывание холодной водой и зарядка на улице... Бррр....! Там так холодно! Ужас-с-с-с-с! – громко прошипел Дхавал Марвари напоследок и залившись смехом, увидев сонные, недовольные лица товарищей.

– А я не пойду на зарядку, я дежурный, буду в тепле сидеть, бе-бе-бе! – куражился Дхавал и тут же удостоился подзатыльника от вошедшего в спальную дежурного воспитателя Абхея Аккинени. Это незначительное, на первый взгляд, событие значительно подняло настроение обитателей спальни.

– Эй, Дхавал, пошли с нами на зарядку, там все и расскажешь до конца....

– Дежурный, ты что, умнее всех нас, что ли?

– Спал тут за столом, а делает вид, что дежурил... Смешно!

Гвалт мальчишек прервал зычный голос воспитателя:

– Ну-ка, прекратили галдеж, быстро, по одному выходите во двор, будем делать зарядку. А ты, – он обратился к Дхавалу Марвари, – возьми в руки веник и подмети спаль-

ную комнату. И чтоб к нашему приходу с зарядки все было чисто! Понял? Я даю тебе пятнадцать минут времени, время пошло!

Тот повинно кивнул и кинулся за совком и веником.

Воспитатель, высокий статный брюнет с тонкими чертами лица, был одет в красивый спортивный костюм синего цвета, кроссовки же были красными. Все мальчишки смотрели на него, цокали языком и мечтали о таком же спортивном наряде.

– Я вот вырасту и куплю себе такой же, – завистливо пробормотал себе под нос кто-то из проходящих мимо ребят. Да и кто бы не купил, если бы вырос... Вырос... Ведь никто из нас не предполагал и не верил в то, что вскоре мы «вырастем», станем взрослыми по одной лишь причине – эта тянучка под названием «жизнь» в приюте, как казалось нам, будет продолжаться вечно и не закончится никогда.

Через пять минут весь приют, все шестьдесят мальчишек, от мала до велика, стояли во дворе босиком в одних трусах и майках и повторяли упражнения за воспитателем: махали руками и ногами, приседали, подскакивали и вращали головой. А куда было деваться – с утренним холодом можно было бороться только таким способом. За всем этим многообразием движений и эмоций наблюдало еще не жгучее, но уже яркое утреннее солнце, приумолкшие птицы на ближних деревьях, а также заместитель директора приюта Камал Чаттерджи. Он стоял около входа в столовую, опершись о стену,

курил сигарету и сплевывал на землю. Редкие черные волосы от левого уха он зачесывал на загорелую лысину, которая все равно предательски отсвечивала на солнце. Он был правой рукой директора, с его помощью ни одна оплошность персонала или воспитанников не оставалась безнаказанной.

Вот и в этот раз он, поглядев на часы, радостно ухмыльнулся, показав свои золотые зубы. Дежурный закончил зарядку на пять минут раньше. После этого мальчишки с шутками-прибаутками вприпрыжку побежали в спальню – вымыться после зарядки, заправить постели.

Когда воспитатель распустил ребят, и они вошли в здание, Чаттерджи щелчком пальцев зафитилил дымящийся окурок подальше от себя, бросил взгляд на его дымящуюся траекторию и подозвал провинившегося:

– Эй, как тебя там...

– Абхей, господин Чаттерджи, Абхей Аккинени, – склонился в поклоне воспитатель.

– А-а-а, самый храбрый, что ли? («Абхей» в переводе с хинди – храбрый, бесстрашный). Ну-ну... Почему раньше времени закончил зарядку, а? Наши мальчики не должны страдать от таких лентяев как ты, – злорадно усмехнулся Чаттерджи, постукивая себя стеком по бедру.

– Не надо гневить Вишну – зайдешь ко мне в пятницу вечером, штраф заплатишь. Мне. Лично. И чтобы никто не знал. Понял? – повысил голос начальник.

– Да, да, – униженно бормотал воспитатель, одновременно

думая: «Да я тебя, скот, удавил бы прямо сейчас, на месте. И так денег не платите, а тут...».

– Чего ты тут бормочешь? Не слышу! – опять сплюнул желтой от табака слюной Чаттерджи.

– Да. Да, приду, – склонился преподаватель физкультуры.

– Ладно, иди, куда шел.

До завтрака в восемь утра мы дожили бы сравнительно быстро и без потерь рабочего времени, если бы не одно «но».

Дхавал Марвари недовольно гонял мусор веником из пальмовых веток прямо в спальне, пока мы занимались зарядкой. Когда мы вошли внутрь помещения, в нем стояла пыль столбом.

Мы столпились около входа и ошарашено смотрели на плоды труда дежурного:

– Эй, дежурный! Остановись, время подвигов закончилось, лучше открой форточки, пусть все проветрится.

Через минут двадцать, когда мы заправили кровати и навели относительный порядок в спальне, сюда с мрачным лицом вошел воспитатель:

– Всем одеться и выйти во внутренний двор – директор приказал, – его голос прозвучал отрывисто громко.

– Что, опять?! Будет опять этот бред нести? – послышался голос из дальнего угла спальни.

– Кто это сказал? – яростно сжав кулаки, посмотрел воспитатель на передние ряды воспитанников.

– Да никто! – опять прозвучал тот же голос.

Мы, конечно, знали, кто это сказал, но самого старшего из нас и вечного бунтаря Аджитта Бурмана никто выдавать не собирался.

— Ладно, ладно, — дрожащим от неисполненного желания мести голосом выдавил Абхей Аккинени, — я узнаю этого наглеца и накажу, Брахма будет свидетелем. А теперь — все на выход, быстро!

«Никого он не проучит», — тут же промелькнуло у всех в головах: он только угрожает, но никто до этого еще не был не только найден, но и наказан.

Мальчишки вышли во двор и построились в два ряда на плацу, мощеном булыжником. Встающее солнце светило прямо в глаза, камни под ногами холодили босые ступни даже через сандалии, туман в стоящих рядом с приютом деревьях только-только стал рассеиваться. Двор был достаточно широк, и тень от стоящей напротив их здания спальни чуть-чуть не доставала до ног мальчишек. А вообще-то, если смотреть на приют сверху, он напоминал большую квадратную скобку — палочка сверху была административным корпусом, справа была спальная комната и бытовые помещения, слева располагались столовая и мастерские.

Директор не заставил себя долго ждать, из проема двери административного здания сначала появился его объемистый живот, а затем и он сам. Медленным шагом, выдвигая свое объемистое тело прямо на середину двора, директор шел, с аппетитом откусывая от яблока, которое держал в ле-

вой руке. В правой руке он держал свою неизменную кожаную папочку, – кладезь, так сказать, мудрости. Правда, не его мудрости (директора невозможно было заподозрить в ее наличии), а высказываний мыслителей древней и современной Индии. Постоянно красное лицо Аджиты Ганди с надменно оттопыренной нижней губой и его зеленые навывкате глаза выражали презрение ко всему сущему и отстраненность от мирских забот. Да и правда, негоже было представителю касты вайшья опускаться до касты шудр, это было бы просто падением в пропасть, откуда не было возврата.

Дойдя до середины строя, он самодовольно улыбнулся, повернулся к воспитанникам, откусив еще раз от яблока. Медленно прожевав кусок, директор посмотрел на огрызок, закатил глаза вверх, видимо в раздумьях, а потом выкинул его за спину. Затем, переложив папочку под мышку, отряхнул свои пухлые ладони от несуществующей грязи, негромко прокашлялся, достал из нагрудного кармана очки в золотой оправе и водрузил их на свой тонкий с горбинкой вислый нос. И... задумался. А ему было, о чем подумать. Во-первых, у него росла красавица-дочь. Ну, что ж здесь плохого? Это же хорошо! Конечно, хорошо и даже отлично! Но самое грустное в этом факте заключалось в следующем: ей уже стукнуло шестнадцать, и надо уже было думать о том, как выгодно выдать девушку замуж. «А попробуй найти достойную семью в нашем городе... Это же ужас сплошной.... Одни нам нравятся, но мы не нравимся им, и наоборот. А

приданое... Помогите мне, Вишну.... Сплошные проблемы... Ах да, и комиссия на мою голову приезжает, забрали бы их ракшасы!» (злые демоны в индуизме).

Строй из шестидесяти мальчишек вот уже пятнадцать минут переминался с ноги на ногу, а солнце припекало все сильнее.

Разум и смирение, наконец-то, вернулись в глаза директора, и он начал свою традиционную нудную и долгую проповедь.

Вот и в этот раз перед приездом медицинской комиссии он нес какой-то бред насчет вездесущих микробов, коварно лезущих во все отверстия нашего тела и несущих жуткую нечисть в мирное устройство приюта.

И вот, в разгар его словоизвержения, один из первоклашек, Анудж Баччан, низкорослый и тщедушный паренек, внезапно взял и грохнулся в обморок прямо во время произнесения директором очередной высокопарной цитаты из «Махабхараты». Он упал и лег как маленький шлагбаум перед несущимся на всех парах локомотивом.

– Это что такое?! – визгливо возопил Аджит Ганди. – Сейчас же унесите этого слабака отсюда, пусть отлежится в тенишке, а то нашелся мне тут неженка!

Директор переступил через лежащего без сознания ребенка семи лет от роду.

– Эй, кто тут дежурный преподаватель? – директор повернулся вправо и поманил к себе пальцем Камала Чаттерджи.

– Ну-ка, организуй это, – директор забыл, что хотел сказать, – унесите слабака, чего он тут разлегся, как свинья?!

– Повинуюсь, господин директор, – быстро кивнул тот, и прядь тщательно зачесанных полос волос с его лысины упала на лицо и перекрыла Чаттерджи всю видимость. Он направился в сторону от строя прямиком к столовой.

В задних рядах мальчишек послышался сдавленный смешок, впрочем, к счастью, не услышанный никем из начальников, потому как Аджит Ганди уже продефилировал вдоль строя влево и не увидел, куда отправился его подчиненный.

Пользуясь моментом, двое старшеклассников вместе с дежурным воспитателем подбежали к малолетке, неподвижно лежащему на камнях внутреннего двора, осторожно подняли его и под руки повели в сторону кабинета доктора.

Тем временем Чаттерджи, осознав свою оплошность, развернулся и, закинув рукой непослушную прядь обратно, начал громко командовать теми, кто уже не нуждался в его руководстве:

– Да-да-да, давайте быстрее ведите малыша к доктору, пусть он даст ему нашатырного спирта, а если опоздаете, и с мальчиком что-то случится, сами будете виноваты, лентяи и негодники! – играл на публику низкорослый человек с неутоленной жадой тщеславия.

Тем временем, основное действующее лицо – директор приюта господин Аджит Ганди – как раз подходил к кульминации своей феерической речи:

– А если кто-то из вас, – при этих словах он остановился как раз посередине строя и обвел своим орлиным взором потупившихся ребят, – ослушается меня и моих помощников, будет наказан, сильно наказан!

Он погрозил строю своим пальцем, больше похожим на толстую сосиску:

– Я узнаю, кто нарушает правила поведения у нас тут, правда, ведь?

Он повернулся направо к невесте откуда взявшемуся заместителю директора Чаттерджи.

– Да, да, – залебезил заместитель директора, с поклоном сложив ладошки у себя на груди, – правильно говорите, господин Аджит Ганди, мы все знаем и все видим.

Директор покровительственно кивнул головой, потом махнул правой рукой по направлению к строю, – мол, все, я закончил. Свернул свою папку и неспешным шагом, задумчиво улыбаясь, направился в административный корпус.

А улыбался он, конечно же, не по поводу приезжающей комиссии: он с нетерпением ожидал последующего за работой врачей банкета. Вот где можно было хорошенько выпить за казенный счет, ну и пообщаться с вышестоящими начальниками, угостить их разносолами, расположить их к себе – хуже-то не будет, а только лучше. Может, найдется хлебное местечко там, у них в Центре (он подумал про это слово с большой буквы).

При этом директор радостно улыбнулся и поднял перст

указующий, подтверждая свою правоту: как же, как же – директор, по его мнению, никогда не ошибался, виноваты всегда были другие.

– Ра-а-азойдись, – прокричал дежурный воспитатель, – на завтрак вас позовут через десять минут.

– Амрит, ты чего-нибудь понял сегодня? Что он сказал? Вернее, что он хотел сказать?

– Вимал, дорогой, ты спрашиваешь меня, как будто я Будда и умею читать мысли других людей. Я не Будда, это точно, хотя жаль, что это не так. А он сказал, как я понял, о том, что завтра к нам приезжает медицинская комиссия из администрации штата Гуджарат и будет всех нас осматривать, мерить рост, вес и писать всякую ерунду в своих бумагах.

– Да это и я сам понял, но чего он был такой... какой-то не в себе, что ли, взбудораженный? За последние несколько лет я не упомяну, чтобы он так волновался, здесь, видимо, что-то не то. Мне непонятно.

– А мне ощущается, что по итогам работы комиссии грянут какие-то изменения в моей жизни. Есть такое чувство, дорогой Вимал, есть..., но я не знаю, откуда это берется? Может, боги подсказали, Вишну или, может быть, Ганеша?

Глаза Вимала загорелись:

– А про меня тебе ничего не сказали боги? Нет?

– Не знаю, друг мой, не знаю... Может, чего они и знают о тебе, но мне это неизвестно...

Улыбка сошла с лица мальчика, и он пробормотал опав-

шим голосом:

– Жалко.... Очень жалко....

И больше эту тему они не затрагивали. А зачем, какой смысл в этом? У нас у каждого свой путь в жизни, и пройти его человек должен в одиночку, самостоятельно. Жить чужой жизнью нельзя, да и невозможно это, никак невозможно.

Амрит медленно нагнулся, сорвал травинку, проросшую через частокол вбитых в землю камней, повернулся и неторопливо пошел к одиноко стоящей дикой финиковой пальме. Вимал встревожено посмотрел другу вслед, но не последовал за ним.

Присев на корточки спиной к стволу дерева, Амрит стал задумчиво жевать мягкий стебелек травы. Только лишь сегодня он осознанно понял, что иногда ему явственно приходят подсказки для действий в том или ином случае. Он почему-то вспомнил возникшую уверенность в благоприятном исходе конфликта на улице, когда их забирали в приют. Причем, эта убежденность была настолько железобетонной, если так можно выразиться, что Амрит несколько не сомневался в правильности выбранного тогда пути.

Ведь, если честно признаться самому себе, пребывание на улице в состоянии овоща или низшего животного было подспудно унижительным, оно вело в тупик, к деградации, а может быть, и к смерти. И сейчас, вспоминая свои ощущения в то хмурое и холодное утро, он поймал себя на мысли, что

именно в момент прохождения точки бифуркации (это слово он тогда не знал, сейчас знает, но никогда не применяет – зачем смущать посторонних?) или развилки принятия решения, он почувствовал, что с души упал тяжелый груз безысходности и ответственности. И это было правильным выбором, как он убедился именно сейчас.

Во дворе, наполненном гомонящими воспитанниками, прозвенело три трели звонка, Амрит вздрогнул от неожиданности, поднял голову и посмотрел на стоящего чуть поодаль Вимала. Тот выглядел обиженным и подавленным, как будто был недоволен поведением уединившегося друга, как будто тот хранил тайну, но не желал поделиться ею с ним.

«Не знаю, что и сказать ему.... О голосах в голове? ... Не стоит... Наверное, лучшим объяснением будет одно – интуиция, обостренное чутьё. Ведь тут я должен действовать по принципу: лучше что-то сказать о тайне, но не до конца, нежели просто промолчать, как будто ты скрываешь это от близкого товарища», – решил Амрит.

Его друг стоял, насупившись, как будто понимая, что Амрит знает что-то, но не говорит из-за вредности.

– Ну и пусть, ушел задавака, пусть идет... Не хочу его знать.

Он стоял и ковырял носком сандалии кусочек сухой глины между двух камней на плацу. Но, почувствовав мягкое похлопывание по плечу, отмяк сердцем и с радостной улыбкой повернулся к другу:

– Что? Что там боги сказали тебе?

Вимал неторопливо подсказывал на цыпочках.

Амрит обнял его, прижал к себе. Любил он этого парня, несмышленища, доброго и незлобивого.

– Что сказали, что сказали, – задумчиво и медленно он повторил эти слова как в трансе. Потом поднял голову и посмотрел в карие глаза друга, с надеждой ожидавшего ответа.

– Вимал, друг мой, у нас с тобой все будет хорошо, вот увидишь, – Амрит внес мысль, как программу в голову Вимала, подумав при этом: «В отношениях надо поддерживать иллюзию сказки, ценят того, кто дарит иллюзии. Ибо сказали мудрые: «Остерегайтесь срывать с человека покров иллюзии, если не уверены, что он сможет выдержать холод реальности».

Потом, осознав то, что мог сам сформулировать эти сентенции, вздрогнул всем телом – откуда это пришло к нему? Откуда? Но времени для раздумий не было – Вимал уже тянул его в столовую, куда уже заходили другие воспитанники.

– Ну, пойдем уже, пойдем.... Видишь, уже заходят последние... Нам нельзя опаздывать, накажут.

Вечером того же дня, и даже не вечером, а после обеда, часа в три, директор, пожертвовав своим послеобеденным отдыхом (чему все безмерно удивлялись – ну не было такого за последние пять лет, ну не было, хоть ты расшибись, а тут – на тебе), собрал совещание воспитателей и начальников обслуживающего блока (столовой, теплового центра, библио-

теки, прачечной, помывочного цеха – так называлась убогая душевая на 20 человек).

Без пяти три пополудни около кабинета директора на втором этаже вместе с заместителем директора Камалом Чаттерджи (который непонятно почему разделся как на торжественный прием – пиджак светло-серого цвета со стойкой и такими же брюками, из нагрудного кармана торчал кончик авторучки, черные ботинки отблескивали лаком) собрались: заведующий учебным процессом, тонкий сноб и невозможный абсолютист с вечно поджатыми губами Анираддха Фиродия, начальник столовой, пройдоха и проныра с вечно бегающими глазами Киран Бахадур, начальник котельной, угрюмый молчун и пессимист Мазуд Абусария, начальник прачечной, он же заведующий душем, никогда не унывающий веселый толстяк Ашока Пиллай. Последний и начал разговор, потирая пухлые ручки:

– А по какому поводу сбор, уважаемые?

Все, кроме прислонившегося плечом к стене Чаттерджи, промолчали. Тот, небрежно скосив голову, процедил сквозь зубы:

– Зайдешь и все узнаешь, тебе лучше помолчать, если нечего сказать.

Он собрался, по обыкновению, сплюнуть на пол, но вовремя одумался, громко сглотнув слюну.

После этого Чаттерджи, картинно оглядев присутствующих, пухлым указательным пальцем отодвинул край рукава

пиджака на левой руке и картинно, любуясь собой, как бы ненароком явил подчиненным золотой блеск явно недешевых часов одной из швейцарских фирм.

– Ну-у.. вы это, тут подождите, а я пойду узнаю, может быть господин Ганди сможет нас принять, – принятый тут же насупленный вид и нахмуренные брови, видимо, свидетельствовали о серьезности намерений.

Он осторожно, потихоньку начал открывать дверь, но петли даже не успели заскрипеть, как громкий дребезжащий голос директора ударил в лоб оторопевшего заместителя:

– Что за осел там прется, не видишь – я занят? И вообще, чё вам там, не терпится, что ли? Надо будет, позову...

Чаттерджи еще не успел закрыть створку, как все явственно слышали похожий на свежее журчание прорвавшегося из заточения зимы ручейка на свободу, мягкий женский смех, шорох несколько неразборчивых ласковых слов, отчетливый звук поцелуя, цокот каблучков по деревянному паркету и мягкий хлопок двери запасного выхода в кабинете.

Стоящие, слегка потупив глаза долу, мягко улыбнулись этому событию, а также обернувшемуся и покрасневшему от обиды лицу заместителя – тот забыл про часы и только машинально зачесывал на загоревшую лысину прядь черных с проседью волос. В духоте коридора внимание всех привлёк этот неловкий жест, подчеркнувший мелкие бисеринки пота на лбу и шее заместителя.

В коридоре повисла влажная и липкая тишина. Минут

пять или даже шесть все стояли в нерешительности, переминаясь с ноги на ногу (делать-то что: зайти боязно, но не зайти нельзя).

Внезапно дубовая резная дверь широко и с неприятным визгом, от которого щемило зубы и сводило скулы, распахнулась: в проеме в длинной белой рубахе навывпуск, белых же штанах и шлепанцах на босу ногу ухмыляясь, стоял сам Аджит Ганди. На его левой щеке отчетливо виделся след ярко-красного поцелуя, и явно не мужского, промелькнуло у всех приглашенных синхронно, отчего все изумленно взглянули друг на друга и сделали серьезные лица.

– Ну что встали, как столбы, и не ржавеете? – коротко хотел директор, чем внес нотку расслабляющей энергетики в пространство. – Идите уже, пора бы и делом заняться!

Он развернулся, поднял две руки вверх и махнул ими по направлению из коридора в кабинет, сам же, одновременно, не торопясь и шаркая ногами, продвигался внутрь.

Напряженное лицо Чаттерджи как-то само собой расплылось в подхалимской улыбке, он поспешил за директором, и, наклонившись, прошептал что-то тому на ухо.

– Ух, ты, угораздило же, – оторопело пробормотал Ганди и рукавом рубахи попытался оттереть помаду. Получалось плохо, он еще больше размазал след и испачкал рубаху. – Идите, садитесь, я сейчас.

Он прошел в отдельную комнатку, откуда вернулся минут через пять с мокрыми волосами и уже в клетчатой синей ру-

бахе того же покроя.

Пятеро приглашенных уже сидели на деревянных стульях напротив массивного двухтумбового стола директора. Камал Чаттерджи сидел по правую руку от Ганди и преданно ел глазами начальника. Казалось, прикажи ему стать на четвереньки и загавкать – сделает! Но, видимо, еще такого приказа пока не поступало, и заместитель продолжал духовную трапезу.

– Господин директор, – он стоял, покашливая в кулачок, – мы готовы выслушать ваши мудрые указания.

Он, смешавшись, замолчал, не зная, что сказать далее.

И когда по команде «сидеть!» последовал жест директорской рукой по направлению к объекту сверху вниз, Чаттерджи немедленно присел на краешек стула. Окружающие ничуть не удивились такому обхождению с их прямым начальником, хотя у того, несмотря на прохладные струи кондиционера, по морщинистому лбу и розовым щекам струился пот, под мышками появились темные круги.

Господин директор, развалившись, сидел в своем кожаном кресле, громко отхлебывая ароматный чай с лимоном, и, казалось, не обращал никакого внимания на подчиненных, что, впрочем, вполне вписывалось в его стиль управления. Отпив еще два глотка, он поставил хрустальный стакан и откинулся на спинку кресла, заложив руки за голову. Стал молча размышлять: «Вот сидит передо мной Чаттерджи, взгляд, преданный как у пса, получившего сахарную кость из рук хозяина, а ведь при случае сдаст меня с потрохами – доно-

сили мне, что метит на мое место».

При этой мысли Ганди вдруг возбудился, лицо его покраснело, он привстал над столом, вытянул вперед руку и указательным пальцем, увенчанным перстнем с красным камнем, стал трясти перед оторопевшими подчиненными. При этом натужно, фальцетом Ганди выкрикнул, заставив вздрогнуть руководителей:

– Не получится ничего...! Ни-че-го! – произнес он уже более спокойно, вернувшись в настоящее время.

Окружающие хранили молчание, как кладбищенский сторож оберегает покой усопших. Они-то знали точно, что есть моменты, когда лучше помолчать: за умного сойдешь!

– Ах да... А что мы тут, собственно, решили обсудить? Никто не помнит? Нет? – директор оглядел присутствующих.

Заведующий учебным процессом Анираддха Фиродия, а в просторечии – завуч, с отсутствующим взглядом летал в каких-то своих внутренних мирах и фактически отсутствовал в комнате, не считая его физической оболочки. Из карманчика его хорошо пошитой светло-синей однотонной рубашечки кокетливо торчал уголок белого носового платка, сухенькие ручки бывшего учителя аккуратно лежали на коленях, прямо на стрелках отутюженных брюк, чистенькие, блестящие черные ботиночки стояли на полу параллельно друг другу. И вообще, весь он был очень правильным, слишком правильным для нашего идиотского, сумасшедшего и преда-

тельского мира. Но как ни парадоксально, он и был его живой частью.

На приятном лице с носом горбинкой и тонкими губами под аккуратно подстриженными усиками аскетично сложенного начальника котельной Мазуда Абусария гуляла попусторонняя улыбка, полуоткрытые глаза цвета маслин контролировали пространство вокруг, он был человеком дела, а не слова. У него была позиция главного механика на морском судне, «деда» – на морском жаргоне. «Главное, чтобы все механизмы работали правильно, вода поступала, куда надо, электричество работало бесперебойно, а что там скажет капитан, – нас не касается, наше дело – сторона». Среди судовых жителей у главного механика существовало другое название его должности – «бог воды, говна и пара».

Одышливо вздыхающий начальник столовой Киран Бахадур не сидел, тупо уставившись в потолок или в пол, – он, закатив глаза вверх, уже считал, считал, считал.... Впрочем, никому неизвестно, что он считал, но доподлинно ясно, что именно он отвечал за торжественный ужин именитых гостей, каждого из которых он знал в лицо, да что там в лицо – эканевидаль, у нас у всех есть лица, правда, не всем они нравятся. Он досконально изучил их вкусы, пищевые пристрастия, он знал их любимые напитки, и не только спиртные. Он знал это, но этого было мало – он лично готовил эксклюзивные блюда для них, например, такие как каре барашка в устричном соусе, креветки в винном соусе, запеченные в

фазане, томленные бычки яйца со спаржей и прочая, прочая, прочая....

Он уважал их вкус и правильно понимал их взгляды на кулинарию. Правда, к господину директору это не относилось – тот ел все, что не положат ему на тарелку, и что прискорбно – он ел много и неопрятно, но этого никто и никогда не видел, кроме начальника столовой. Да и тот молчал (в нынешнее время найти работу было ох, как непросто. Да).

Прямо скажем, большое лицо, нет, даже не большое, а обширное лицо начальника прачечной Ашоки Пиллая, под стать его широкой душе и объемному телу, выражало беспричинную радость, совсем не подходящую строгости момента. Казалось, ничто не могло его вывести из состояния энергичного оптимизма. Он живо и бодренько смотрел на стол директора, пересчитывал утварь на нем, мысленно сравнивал со своим рабочим столом и радовался малому количеству вещей, необходимых ему для работы. Присутствующие вообще не понимали его оптимизма, ну, не дано было им это понять! Удивлялись они и отсутствию обычно резкой реакции директора на его, можно было бы сказать, легкой разнузданности поведения, в отличие от других сотрудников приюта. Они просто не знали одной личной, можно даже сказать, интимной тайны, существующей в объединенном мире Аджита Ганди и Ашоки Пиллая. У начальника прачечной в подчинении работала племянница по линии жены, красавица Шьямала. Ну, здесь нет ничего необычного, скажете вы,

подумаешь, племянница работает у него, эка невидаль. Конечно, только лишь в одном этом факте нет ничего тайного, но тайна скрывается лишь в их определенном сочетании. И директор, и начальник прачечной скрывали это сочетание от окружения.

Начнем с известной истины, что приезжающая комиссия вышестоящих чиновников может осуществить несколько выводов о работе проверяемой организации, а потом принять на их основании не менее трех базовых решений, – как болезненных, так и радостных для директора.

Первое, самое болезненное и неприятное, чего боятся все проверяемые руководители, – организация работает из рук вон плохо, директор достоин наказания вплоть до увольнения с должности.

Второе, нейтральное, особых переживаний не несущее – ласково и покровительственно похлопав директора по плечу (мол, работаете хорошо, но есть резервы для совершенствования), комиссия отбывает восвояси.

Третье решение, о котором мечтает любой мало-мальски смыслящий руководитель: комиссия, не заметив некоторых шероховатостей вроде паутины на потолке и грязных окон, непременно похвалит сияющего директора и отметит, как достойного пойти на повышение по ступеням карьерной лестницы к зияющим высотам чиновничьей власти.

Уважаемый Аджит Ганди всеми силами стремился к благоприятному для себя исходу проверки, и в руках у него был

ключ, хотя, собственно, это выражение означало лишь одно – талисман счастья в виде волоокой и стройной Шьямалы уже принес дивиденды в прошлый приезд, ранее редкой, а сейчас зачастившей комиссии из Центра.

Да, собственно, его не волновал все время меняющийся состав комиссии, его интересовало решение практически единственного постоянного члена комиссии и даже не гражданина Индии. Так думал Ганди, хотя его паспорт в руках не держал. Его звали просто и незамысловато – Джон Смит. Людей с таким именем и фамилией в мире насчитывалось наверняка не менее полутора десятков миллионов.

В прошлый приезд около полугода назад, как припоминал директор, проверяющая комиссия из Центра очень щепетильно подошла ко многим аспектам функционирования приюта – к финансовым затратам в рамках выделенного государством бюджета, качеству обучения воспитанников, а также их обеспечения одеждой и предметами быта. Да и много что еще проверялось. Директор спал с лица, натужная улыбка не могла скрыть его тревожности и боязни возможного наказания за, мягко говоря, нецелевые траты, а если прямо сказать – воровства из бюджета приюта. Пытаясь замаслить проверяющих и притупить их бдительность во время их пребывания, каждый вечер Ганди накрывал щедрый стол, топил традиционную баню с благовониями и массажем. И вот тут-то Аджит и заметил неподдельный интерес руководителя проверяющих Джона Смита, если не назвать это

влечением к племяннице Ашоки Пиллая – девятнадцатилетней обаятельной и улыбчивой Шьямале. Она обслуживала гостей за столом, причем, отдавая свой приоритет именно главе комиссии господину Смиту. Шьямала кокетливо улыбалась гостю, все время старалась попасться ему на глаза и всячески подчеркивала своё расположение.

На следующее утро после отъезда комиссии директор пригласил к себе начальника прачечной Ашоку Пиллая на разговор.

Тот пришел вовремя и даже чуть раньше времени. Директор был весь в нетерпении и, услышав шум шагов за дверью, приоткрыл ее:

– Давай заходи, быстро. Надо кое-что обсудить! Вот тут сядем, за столик, – Аджит показал рукой в угол кабинета, где около низкого стола стояло два плетеных кресла.

Ашока понял, что дело важное, если директор пригласил его одного и беседует почти на равных – значит, действительно в чем-то нуждается.

– Слушаю Вас внимательно, господин директор.

– Тут такое дело, – директор медлил, видимо, подбирал правильные слова. – К нам же приезжала комиссия, ты знаешь.

Пиллай кивнул, мол, знаю.

– У нас тут работает твоя племянница, как ее зовут..., кажется, Шама...

– Шьямала, господин директор.

– Да, да. Она. И вот чего я заметил вчера. Она же была официанткой на нашем званом ужине. Надо сказать, работала очень хорошо, я распоряджусь, чтобы ей премию выписали после отъезда гостей. — Директор понизил голос, чем хотел придать важность своим словам. — Я тут подумал, пусть она, это... поулыбаётся этому, как его, а-а-а, вспомнил, Джону Смиту, он у них за главного, от нее ведь не убудет, и нам будет хорошо. Ну и... Сам понимаешь, чего там может быть между мужчиной и женщиной...

Директор, наклонив голову влево, просительно (чего, кстати, он никогда раньше не делал) посмотрел в лицо Ашоке.

Тот оторопело смотрел на своего начальника и понимал, что это, конечно же, не просьба, это приказ, почти как на войне. А на войне за невыполнение приказов известно, что делают – расстреливают. Убивают насовсем, навсегда.

– Да, да, господин директор, я обязательно поговорю с ней, она у нас девочка смышленная, все поймет правильно.

Аджит Ганди облегченно выдохнул, как-то расслабился и пошел к буфету как будто в забытии и только протянув руку, чтобы открыть бар, вдруг вспомнил, что там, сзади него, сидит подчиненный. Директор, широко улыбаясь, развернулся к начальнику прачечной, и с официальными нотками в голосе сказал:

– Спасибо, что пришел, можешь идти.

Пиллай встал, поклонился и на деревянных ногах пошел

к выходу, продумывая беседу с племяншкой.

И вот наступил этот день.

Дня за два до приезда комиссии Ашока Пиллай, начальник и по совместительству дядя, пригласил Шьямалу к себе на разговор.

– Девочка моя, Шьями, – назвал он ее детским именем, – проходи, моя красавица, у меня к тебе есть разговор, серьезный разговор. Это должно умереть между нами, понятно? А теперь подойди ко мне, поближе подойди.

Ашока внимательно посмотрел на Шьямалу: она была просто прекрасна в своей зрелой девичьей красе – на смуглой бархатной коже ее лица с аккуратными милыми чертами особо выделялся гипнотический взгляд ее бездонно черных с поволокой глаз в обрамлении пушистых ресниц.

«Все дал ей Каму, сын Лакшми и Вишну, и дал в меру: не больше и не меньше», – подумал дядя.

Стройное, миниатюрное пропорционально сложенное тело племянницы было облачено в светло-синее сари со штанишками, небольшая девичья грудь была, как будто ей подарена творцом, чтобы подчеркнуть тонкую талию, иссиня-черные блестящие волосы покрывала легкая косынка, аккуратные ступни в резиновых тапочках завершали портрет.

Дядя привстал из-за своего стола и, потянувшись к племяннице, вдохнул затрепетавшими ноздрями ее запах, аромат молодости и пряной энергии, сочетание гипнотического влияния, неутолимой жажды влечения и скрытой тайны.

Потом он задумчиво и удовлетворенно кивнул головой.

— Ну, иди же, милая, садись вот сюда, — он указал на стул прямо перед собой.

— Хорошо, дядя, я обещаю, что никогда не подведу тебя, — Шьямала обошла стул и грациозно присела на его краешек.

— Завтра к нам приезжает комиссия из города, будет все смотреть, проверять... Да..., проверять... нас, — Ашока потер лоб в задумчивости. — Ах, да, там будет один белый господин, сахиб, как мы их называли раньше.... Он главный в комиссии, хотя держит себя скромно. Запомни, моя девочка, по-настоящему достойные и умные люди всегда скромны, говорят тихо, но их слышат все, несмотря на шум или гомон, их указания выполняются беспрекословно, и горе тем, кто ослушается, я им не завидую. У таких людей сила заключена внутри, и ее чувствуют все вокруг. Враги боятся их настойчивости и непреклонности, друзья любят, женщины обожают. Они мало говорят, но обязательно выполняют взятые на себя обязательства.

Шьямала, впервые после начала разговора подняла голову и с интересом стала вслушиваться в слова дяди. Она вдруг ощутила внутри себя волнуемую теплую энергию, медленно поднимающуюся из сладострастного места прямо ей в сердце. Девушка ощутила внутри себя импульс, и лицо ее покраснело, губы приоткрылись в ожидании.

«Вот оно, вот он шанс... Этот мужчина должен быть моим... Я все сделаю ради этого, как попросит дядя... И даже

больше... М-м-м-м-м», – простонала она внутри себя.

– Ты слушаешь меня, Шьями? – дядя посмотрел ей в глаза.

– Да, да..., – племянница вздрогнула и вернулась из мечты в реальность, – я слушаю тебя внимательно.

Ее голос немного дрожал, а дыхание было более частым, чем обычно.

– Комиссия будет работать у нас около трех дней, на каждый вечер у нас запланированы культурные мероприятия, баню ты подготовишь лично: чтобы все было на месте – полотенца, кремы, ароматические масла и другие благовония, температуру будешь поддерживать не более 80 градусов – больше не надо. Приготовь и принеси морсы или компоты, чтобы можно было испить после бани.

После бани у нас будет торжественный ужин, там будут два официанта – это ты и паренек от начальника столовой Фиродия. Ты должна одеться по-праздничному, но не вызывающе. Господину Смиту, – дядя понизил голос и поднял правую руку с вытянутым указательным пальцем вверх, – твое обслуживание должно понравиться.

С минуту дядя молчал, пытливо вглядываясь в лицо девушки.

– И ему ты должна понравиться тоже, – добавил он настоятельно. – На этом все. Это ты должна сделать обязательно. Ясно?

Сердце Шьямалы было готово выскочить из груди, и она,

с трудом скрывая свое волнение, опустила голову и тихо сказала:

– Дядя, я сделаю все, как ты сказал.

– Ну и ладно. А теперь можешь идти, – удовлетворено выдохнул Ашока, потирая руки. После ухода племянницы он расслабленно улыбнулся, подошел к окну и долго смотрел на то, как ветер колеблет верхушки деревьев в саду.

Арнольд. Подготовка к корпоративу

Этот декабрь в Москве выдался по-настоящему зимним, морозным, снежным и иногда с ветрами. Хотя... Климат на земном шаре меняется в сторону потепления, как говорят нам ученые почти что из каждого утюга или холодильника. Но самое интересное в их исследованиях то, что в результате потепления в стране стало холоднее. Особенно летом. Почему-то. Но мы сейчас не о лете – зима же на дворе.

Арнольд Самуилович Упертый, Президент корпорации «ПоСтройка» находился в своем кабинете на даче где-то в подмосковном лесу. Кожаное кресло с бранным телом хозяина стояло перед панорамным окном, его лысоватая, тыквообразная голова была откинута на подголовник, одет он был в стильный спортивный костюм синего цвета, протянутые ноги в черных носках (один из них, а именно правый, был протерт до дыры в районе пятки) возлежали на специальной низкой табуреточке с мягким покрытием.

В комнате горел камин, и тепло живого огня придавало особый уют комнате, сухие дубовые дрова грели жарко, чуть потрескивая. После недавнего скандала (ну как недавнего – не более полутора месяцев назад) со своим референтом Кла-

рой Органовной Сущей он дал зарок не пить спиртного. Со-
всем.

«Опрометчиво это я сделал, – думалось Арнольду, – но раз пообещал, надо выполнять, ничего тут не поделаешь. Хотя недавно я пересматривал шедевры иностранного кино и с удовольствием наблюдал за приключениями агента 007 Джеймса Бонда. А фильм-то назывался, если по-аглицки «Never Say «Never», что в переводе означает «Никогда не говори «никогда». Фильм мне понравился, Бонд энтот был героем, что уж тут говорить, косил всех направо и налево. А вот название мне не понравилось... И не просто так не понравилось – напомнило оно мне о моей крутой завязке, а ведь как иногда хочется поднять стопарик и под кусочек селедочки со слезой на ржаном хлебушке и опрокинуть жидкость эту окаянную, выдохнуть и закусить. Да не могу, Клэрочка не простит, ой не простит! Помнит она мои обычные обвинения в измене и пьяный дебош потом. Тьфу, прости господи, наворотил тогда я делов, да, наворотил».

Арни повернул голову налево: на часах было 14.45, на календаре – 20 декабря. За окном тихо падал снег, смеркалось, но уличные фонари еще не зажглись. Фотоэлемент был отрегулирован четко – в зависимости от количества света, падающего на фотопластинку, он автоматически то включал, то выключал освещение. Удобно придумано.

Отблески каминного огня причудливо отражались в оконном стекле, взгляд Арнольда туманился, он уходил внутрь

себя, в свои воспоминания. Туда, где он был еще бесшабашным, иногда глуповатым и азартным пареньком. Отзвуки этого прошлого еще присутствовали в нынешнем Президенте корпорации, но были они видны как намеки, как уже трудно узнаваемые очертания когда-то острых граней на горной скале, сточенной ветрами и непогодой. Эти его прошлые привычки иногда выскакивали из этого уже зрелого мужчины неожиданно и резко, словно пузыри болотного газа на лесном озере, словно внезапный пук в ненужное время и в неожиданном месте. И он сам этого не осознавал, но те, кто знал Арнольда прежде, ранее, в прошлой жизни, удивлялись смягчению, смазанности, казалось бы, вечных его черт характера – резкости, необдуманности поступков, ненужной горячности, ни на чем не основанной мечтательности и веры в свое лучшее предназначение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.